

Revue mensuelle

Fevrier 1930

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТІАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

II - ФЕВРАЛЬ - 1930

ПАРИЖЪ

5-й годъ изданія.

Цѣна номера 3 фр.

Складъ религіозной литературы при Р.С.Х.Д. въ Парижѣ

10, Bd. Montparnasse, Paris (15). Тел. Segur 31-68.

Библия на русск. яз. съ паралл. мѣст. 8 фр. Четыре Евангелія на русск. яз. 2.50

- I. ВСѢ ИЗДАНИЯ ЗА РУБЕЖОМЪ Р.С.Х.Д. Запись объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ и объ оптинскихъ старцахъ. Изъ личныхъ воспоминаній о. В. Ш. 5.—
- II. — ИЗДАНИЯ Р. С. Х. Д. ВЪ ПАРИЖѢ ПО ЛЕКЦІЯМЪ, ЧИТАННЫМЪ ВЪ ПРАВОСЛ. БОГОСЛ. ИНСТИТ. ВЪ ПАРИЖѢ: Краткій словарь церковно-славянскихъ словъ, слышимыхъ въ церкви 1.—
- Во Франціи. За-Границу. Ежедневная молитва старца Кіево-Печерск. лавры Іеросхим, Парвенія 1.25
Апологетика 11. —	Фр.	Фр.	12.50	Заповѣди Божіи въ разсказахъ. Первая заповѣдь (для дѣтей)	4.—
Новый Завѣтъ 3. —			3.50		
Ветхій Завѣтъ 10. -75			12.—	Слово жизни. Сборникъ богослужебныхъ пѣснопѣій и чтеній для мірянъ	6.50
Исторія Церкви 24. —			28.—	Моя первая священная исторія въ разсказахъ для дѣтей свящ. П. Воздвиженскаго съ 70 рисунками. Съ довоеннаго изданія Т-ва Вольфъ, СПБ.	16.—
Патрологія 4. - 50.			5. —	Видѣніе св. Ерма	1.50
Педагогика 6. - 75.			7. - 50	О святомъ причащеніи. Святит. Ілія Минятин.	1.—
- III. — ИЗДАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАГО КАБИНЕТА: Вопросы Религіознаго Воспитанія и Образованія. Выпуски I, II, III по 12.—
- IV. — ВСѢ ИЗДАНИЯ У. М. С. А. PRESS. О предопредѣленіи. Святит. Ілія Минятин 1.50
- V. КНИГИ ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОН ІЗДАТЕЛЬСТВА. Бесѣда св. Серафима Саровскаго съ Мотовиловымъ о цѣли христіанской жизни. 2.50
- Церковь и міръ. Іером. Іоаннъ, очерки 4.—

Цѣны во французскихъ франкахъ съ пересылкой.

Продолжается подписка на ежемѣсячный иллюстрированный

„КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ“

(Редакторъ-издатель Е. Д. Коноваловъ).

Въ вышедшихъ 8 номерахъ приняли участіе: И. Г. Адулининъ, А. Л. Богаевскій, С. В. Болдыревъ, Н. Д. Городецкая, М. М. Игнасюкъ, Б. В. Кировъ, Е. Д. Коноваловъ, П. Н. Красновъ, Н. Л. Крюковъ, Г. Н. Кузнецова, А. И. Куприянъ, А. П. Тютельговъ, Вл. Ладыженскій, Борисъ Лазаревскій, А. К. Ленинъ, А. П. Лукинъ, Е. К. Миллеръ, А. Н. Прокопенко, В. П. Рябушинскій, И. Г. Савченко, С. Г. Сватиковъ, П. А. Скачковъ, Д. Е. Скобцовъ, И. Д. Сургучевъ, А. Н. Туровъ-Туровъ, Н. Н. Туровъ-Туровъ, В. Н. Хрусталева, П. А. Фоминъ, С. В. Яблоновскій.

Иллюстраціи — Л. Л. Масянова и бр. Хунянуцъ.

Въ январѣ начинается печатаніемъ «Игра» комедія И. Д. Сургучева.

Цѣна номера: 5 франковъ. Заграницей: 25 центовъ (съ пересылкой).

Подписную плату просятъ адресовать: Мг: Konovloff, 10, rue Augereau, Paris (7)

ЦѢНЫ НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Цѣлая страница	60 фр.	Четверть страницы	20 фр.
Половина страницы	30 »	Восьмая ч. »	10 »

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВЪРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВЪРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 2. (1930)

	стр.
1. 1 февраля, 1930 г.	2
2. Памяти кн. Г. Н. Трубецкого, прот. С. Булаковъ	3
3. † Кн. Г. Н. Трубецкой, — Г. Ф.	5
4. О планетарномъ добрѣ, — Л. Зандеръ	6
5. Соціальная работа въ Соединенныхъ Штатахъ, — Н. А. Клепичинъ	8
6. Отцы и дѣти, — Л. Гринченко	12
7. Православный нигилизмъ и православная культура, — Г. Федотовъ	14
8. Смердяковщина, — Ник. Мартыновъ	16
9. Орёлъ и Крестъ, — П. Прозоровъ	20
10. Протестъ Англійской общественности противъ религіозныхъ преслѣдованій въ СССР.	22
11. Два письма	25
12. Изъ Россіи пишутъ	27
13. Мы снова зовемъ, — Проф. В. В. Зыньковский	28
14. Почтовый ящикъ	28
15. Изъ жизни Движенія.	30

Приложеніе № 11. Бюллетень Религіозно-Педагогическаго Кабинета.

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЦЕВСКАЯ 2
4001259

1 февраля 1930 года.

В этом номере «Вѣстника» читатель найдет отчет о Лондонском митинге протеста против гонений за вѣру въ Россіи. После Лондона аналогичное собрание, съ участіем русских, состоялось въ Парижѣ, предполагается въ Швейцаріи. Мы, русскіе, могли бы радоваться тому, что совѣсть міра, христіанскаго міра, просыпается. Но наша радость отравлена однимъ обстоятельствомъ.

Среди иностранцевъ, протестующихъ вмѣстѣ съ нами, мы видимъ лишь представителей одного политическаго направленія — и при томъ весьма мало вліятельнаго въ жизни Европы. Лишь крайнія правыя группы соединяются съ нами въ этотъ страшный для Россіи часъ. Особенно больно для насъ, что въ списокъ ораторовъ Альбертъ Холла мы не нашли имени нашихъ друзей, друзей Россіи и православія, съ которыми мы встрѣчаемся братски на русско-англійскихъ съездахъ. Даже широкіе круги консервативной партіи въ Англіи не поддержали начинъ газеты «Morning Post». Почему?

Отвѣтъ ясенъ. Политика вмѣшивается въ дѣло совѣсти и парализуетъ ея реакцію. Въ Англіи митингъ протеста совпалъ съ возобновленіемъ дипломатическихъ отношеній съ Совѣтской Россіей. На этомъ вопросѣ противники Макдональда дають бой правительству. Поэтому тѣ, кто не желаютъ немедленнаго сверженія рабочаго правительства, по соображеніямъ внутренней политики, воздержались отъ участія въ митингѣ. Мы вѣримъ въ личную искренность ораторовъ, которые указываютъ, что не политическія, а религіозныя чувства заставили ихъ возвыситься своей голосъ. И тѣмъ не менѣе, иронія жизни, жестокая спутанность общественныхъ отношеній сообщила политическій и даже партійный характеръ ихъ выступленію.

Во Франціи это было еще нагляднѣе. Со стороны французовъ участвовали въ протестѣ только политики, и въ ихъ рѣчахъ религіозная сторона гонений потонула совершенно.

Мы благодарны всѣмъ, кто съ нами, кто откликнулся на вопль распинаемой Россіи. Но мы хотѣли бы, чтобы христіанская Европа нашла, наконецъ, нравственную силу отдѣлить вопросъ совѣсти отъ политическаго интереса. Морально, что можетъ быть безспорнѣ нашего иска къ человечеству? Въ Россіи убивается религія — кто изъ христіанъ или евреевъ не найдетъ сочувствія для своихъ братьевъ по вѣрѣ? Въ Россіи попирается свобода совѣсти — кому изъ лѣвыхъ, либераловъ или социалистовъ Европы не дорога свобода? И, однако, молчать...

Для ихъ молчанія есть разныя основанія. Одни молчатъ изъ корысти, другіе изъ вѣжливости. Кто хочетъ торговать съ большевиками, кто думаетъ ослабить ими Россію, а кто — напротивъ — вѣрить въ возрожденіе Россіи черезъ нихъ. Разубѣждать ихъ сейчасъ не время, вѣрнѣе лишь время разубѣдить ихъ. Но то, что мы должны, что въ нашей власти — это самимъ раздѣлять вопросы совѣсти и политики въ нашемъ сознаніи и въ нашемъ обращеніи къ иностранцамъ. Мы виноваты больше всѣхъ, связывая въ одинъ клубокъ протестъ противъ разрушенія храмовъ и противъ совѣтской дипломатіи. Въ старое время Европа находила въ себѣ честность — протестовать противъ истребленія армянъ въ Турціи, не требуя разрыва дипломатическихъ сношеній съ нею. Пусть торгуетъ, кто хочетъ, съ Совѣтами, но не замалчиваетъ, ради проблематическаго процента, того, что онъ дѣйствительно видѣлъ въ Москвѣ. Пусть рабочія правительства Европы ведутъ переговоры съ «рабочей» диктатурой въ Кремлѣ, но не дѣлаютъ себя соучастниками ея пре-

ступлений. А нашъ долгъ — помогать этому очищенію моральнаго сознанія Европы, и не пытаться использовать моральнаго движенія совѣсти для политической акціи. Только тогда протестъ противъ

большевистскихъ гоненій станетъ протестомъ челоѳчества. Только тогда богатые и бѣдные, правые и лѣвые, христіане, евреи и даже невѣрующіе объединятся въ одно: «Не могу молчать».

Памяти кн. Г. Н. Трубецкаго.

Память праведнаго съ похвалами, и благословеніе Господне на глаѳъ его.

его духовнаго образа въ его безупречности и чистотѣ. Правы были пути его, — правы въ мысляхъ и дѣлахъ и въ отноше-

Какъ непримѣтно переѳль онъ грань этой жизни и сколь безболѳзненна, непостыдна и мирна была кончина его живота. Отъ дѣка воинствъ, славословящихъ Рождество Христова, былъ посланъ ангель смерти его. Душа, услышавшая славословіе ангеловъ, рванулась навстрѣчу ему и оставила тѣло. И сколь ни скорбна для сродниковъ и друзей эта внезапно происшедшая кончина, — свѣтель и благороденъ былъ знаменательный образъ ея. Смерть беретъ челоѳка въ томъ, въ чемъ онъ живетъ, — такимъ былъ и онъ отозванъ въ свой урочный срокъ. Нынѣ, въ часъ послѣдняго прощанія, хочется думать и говорить не о многихъ дѣлахъ его на многообразныхъ поприщахъ жизни, а о немъ самомъ и, прежде всего благодарить за то, чѣмъ онъ былъ для насъ. Хотѣлось бы благодарить лично за себя и отъ себя; но словамъ нашимъ не было бы конца, если бъ стали мы говорить о себѣ, а не о немъ. Вѣдь, онъ былъ вѣренъ себѣ въ дѣлахъ своихъ — въ дѣлахъ благожелательности, участія, заботы, вниманія. Это излучалось изъ него, какъ свѣтъ и тепло. Онъ былъ мужъ доброй совѣсти, возлюбившій заповѣди Божіи, и мужъ мудрой мѣрности, шедшій царскимъ среднимъ путемъ — такова основная черта

ніяхъ къ людямъ, и нелукавно предъ Богомъ хожденіе его. Можно было не только любить его, но и неизмѣнно уважать, провѣрять себя по нему, нравственно опираться на него. Онъ былъ мудрый совѣтникъ, справедливый, отвѣтственный, нелицепрїятный, участливый: и въ дѣлахъ государственныхъ и въ дѣлахъ церковныхъ, на церковномъ соборѣ околѣ пат-

ріарха и здѣсь, въ нашемъ духовномъ разбродѣ. Таковымъ онъ являлся въ общественныхъ совѣщаніяхъ, въ кругу христіанской студенческой молодежи, и въ дружескихъ бесѣдахъ братства в. Софій Премудрости Божіе. Онъ дѣйствовалъ, не отдаваясь порыву страсти и увлеченія, но ища путей доброй совѣсти. И въ этомъ исканіи былъ особый духовный даръ разсужденія, которымъ его надѣлило Провидѣніе. И этотъ даръ доброй совѣсти былъ не ветхозавѣтнымъ, не фарисейски-законническимъ, но христіанскимъ во всей широтѣ и свободѣ. Творчески искать въ себѣ великой совѣсти тѣмъ труднѣе, чѣмъ шире ея кругозоръ, чѣмъ сложнѣе озираемая ею задачи. А ушедшій отъ насъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое несетъ въ себѣ наслѣдіе всей русской культуры, въ неразрывномъ соединеніи съ культурой европейской. Онъ жилъ и мыслилъ не въ мѣстно ограниченныхъ, но мировыхъ горизонтахъ. Его патриотизмъ, горячій и безпредѣльный, соединился въ немъ съ всечеловѣческими устремленіями. Его православіе глубокое и жизненное, трогательное своею дѣтской непосредственностью, соединялось съ пронзенностью сердца, скорбящаго о раздѣленіи христіанскаго міра, и съ непрестаннымъ и дѣятельнымъ стремленіемъ къ его преодолѣнію, и кончина его скорбно отзвучивается не только въ православіи, но и за его предѣлами. Наконецъ, личная его приверженность охранительнымъ началамъ въ государственной и общественной жизни соединялась въ немъ съ подлиннымъ свободолобіемъ и уваженіемъ къ челоуѣческой личности. Эти черты одновременно составляли въ немъ и наслѣдственное и личное достояніе, приумножая одно другое, и при этомъ сопровождалась такой

простотой и скромностью, что порою какъ будто и вовсе не замѣчались. Такъ мы не примѣчаемъ иногда чистаго и прозрачнаго стекла, даже и самаго свѣта, въ которомъ мы видимъ предметы. Но эта скромность и мягкость соединялись съ твердостью и мужественной прямою, которую онъ проявлялъ, когда требовалось свидѣтельство истины, — словомъ и дѣломъ. И оттого отъ него исходило какъ бы тихое сіяніе свѣта, которое къ нему привлекало и располагало. Онъ, одинаково былъ патриархомъ въ семьѣ и мужемъ свѣта въ обществѣ, былъ благоотишіемъ, несущимъ миръ.

Его мы нынѣ лишились, и его мѣсто спустило всюду, для близкихъ и далекихъ. Смерть всегда есть раздирающая скорбь, которая не можетъ, а, вѣроятно, и не должна быть ослаблена, и этого не отрицаетъ и сама христіанская вѣра. Однако, лишь она освобождаетъ отъ пустоты и опустошенности, ибо вѣра знаетъ, что уходящіе отсюда переходятъ туда. Что здѣсь истаиваетъ, тамъ восполняется и умножается. И праведникъ, удаляемый изъ здѣшняго міра, призывается къ новому дѣланію въ мірѣ духовномъ, чтобы въ немъ иными, намъ невѣдомыми путями, творить то же дѣло добра. Онъ отошелъ къ тѣмъ небеснымъ братьямъ, чтобы вмѣстѣ съ ними воинствовать. Тамъ не страшны Иродовы неистовства, и беззащитность Богомладенца, и убожество вертепа и яслей. На его лицѣ по кончинѣ легла печать мира и свѣта, и какъ будто носилось надъ нимъ звучаніе ангельской пѣсни съ небесной высоты, его призвавшее: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе!

Прот. С. Булгаковъ.

† Кн. Г. Н. Трубецкой.

6 января (24 декабря) скончался князь Григорій Николаевичъ Трубецкой. Вся русская колонія Парижа, безъ различія направлений, объединилась вокругъ его гроба въ безмолвной скорби. Наше Движеніе потеряло въ немъ вѣрнаго друга и покровителя, бывшаго членомъ Совѣта Движенія, участникомъ нашихъ съѣздовъ, гостемъ кружковъ и праздничныхъ собраний молодежи, согрѣвавшего ихъ исходившими отъ него лучами ясной и тихой мудрости.

Князь Григорій Николаевичъ былъ сыномъ замѣчательной семьи, сохранившей лучшіе завѣты старой Россіи — то, что было въ ней чистаго, свободнаго, христіанскаго. Двое старшихъ братьевъ его, Сергѣй и Евгенийъ Николаевичи были крупными религіозными философами, изъ школы Влад. Соловьева, блестящими писателями и общественными дѣятелями. Въ воспоминаніяхъ Евгенія Николаевича прекрасно передана та атмосфера высокаго идеализма и философскихъ исканій, въ которой протекала юность братьевъ Трубецкихъ. Григорій Николаевичъ (род. 27 сентября 1874 г.) не былъ писателемъ, но достойно служилъ Россіи на дипломатическомъ поприщѣ. Окончивъ Московскій университетъ, онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и служилъ атташе и секретаремъ въ посольствахъ Вѣны, Берлина и Константинополя.

Война застала его посланникомъ въ Бѣлградѣ. Его перу принадлежитъ одинъ изъ историческихъ актовъ Великой войны — воззваніе вел. кн. Николая Николаевича къ полякамъ, съ обѣщаніемъ автономіи польскому народу. Когда перемена военнаго счастья заставила сербскую армію эвакуироваться черезъ Черногорію на о. Корфу, Григорій Николаевичъ былъ съ нею. Его жена, кн. Марія Константи-

новна была завѣдующей Краснаго Креста. Князь и княгиня раздѣлили страданія братскаго народа.

Во время войны гражданской Григорій Николаевичъ завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ при ставкѣ Главнокомандующаго. Но съ этого времени его церковное служеніе уже первенствовало надъ государственнымъ.

Вмѣстѣ съ братомъ Евгениемъ онъ былъ членомъ Московскаго Собора 1917-1918 года. Григорій Николаевичъ близко стоялъ къ почившему патриарху и унесъ съ собой въ изгнаніе его завѣты. Чуждый всякому фанатизму и политиканству, онъ всегда стремился въ своей церковной дѣятельности къ миру и единенію, но на основѣ церковной правды. Болѣя душой за Церковь, онъ остерегался страстью, горячностью беречь Ея раны.

Для всѣхъ насъ, имѣвшихъ счастье знать его, онъ былъ учителемъ терпимости—христіанской—и православной свободы. Только къ гонителямъ Церкви и ихъ наемникамъ — «обновленцамъ» — онъ относился съ непримиримой строгостью.

Стойкій, совѣстливый, справедливый — онъ воплощалъ въ себѣ тѣ добродѣтели старой Россіи, которыя, кажется, уходятъ изъ нашей жизни. Съ ними онъ умѣлъ соединить рѣдкую скромность, тотъ христіанскій и національный даръ Трубецкихъ, о которомъ «внѣшніе», не подозревая его источника, не знали, какъ сказать: истинный аристократизмъ или демократизмъ. Патриархъ русскаго православнаго Парижа, князь Григорій Николаевичъ всегда любилъ держаться въ тѣни, избѣгалъ общественныхъ выступленій, рѣдко полемизировалъ, былъ простымъ среди простыхъ, среди юношей — не учителемъ, а другомъ.

Безконечно больно думать, что онъ ушелъ отъ насъ, что никогда въ нашъ кругъ не войдетъ его свѣтлое, мудрое ли-

цо, не раздастся тихій голосъ...

Да будетъ легокъ и свѣтелъ его небесный путь.

Г. Ф.

О планомѣрномъ добрѣ.

Благотворительность обычно связываютъ съ личной добродѣтелью отдѣльнаго человѣка. Помощь ближнему понимаютъ, какъ личный актъ состраданія. Мотивомъ благотворительности считаютъ любовь.

Вѣрно ли это?

Вопросъ этотъ совершенно не касается нищелюбія и личнаго подвига служенія ближнимъ. Заповѣди Спасителя абсолютны и непреложны; онѣ обращены къ каждому человѣку и каждому говорятъ о томъ же—всегда и вездѣ. И личное добро всегда остается тѣмъ же.

Но можно ли сводить къ нему всѣ остальные формы жизни? И нѣтъ ли рядомъ съ нимъ иныхъ задачъ, не связанныхъ непосредственно съ любовью и все-таки религиозно освященныхъ и церковно необходимыхъ?

Участіе въ богослуженіи, конечно, свидѣтельствуетъ о любви къ Богу, о ревности къ храму. Но когда пѣвецъ, поющій въ хорѣ, беретъ ту или иную ноту, замѣняетъ своего сосѣда, исправляетъ ошибки—свой или всего хора—то эти отдѣльныя дѣйствія никакъ не могутъ быть непосредственно связаны ни съ любовью, ни съ благочестіемъ. Это—техника дѣла, правильное выполнение своихъ обязанностей, нахождение своего мѣста въ общемъ дѣлѣ.

Совершенно то же происходитъ и въ социальной жизни. Общество, въ которомъ мы живемъ, тотъ же хоръ. Пѣсня его полна ошибокъ и диссонансовъ; и виновниками ихъ являемся всѣ мы: какъ каждый въ отдѣльности, такъ и всѣ вмѣстѣ. Поэтому

и отвѣтственность падаетъ также на всѣхъ. Не только за личное стараніе и искусство, но и за успѣхъ всего дѣла, за сложность хора, за его органичность (благодаря которой то, что опускается одними органами, восполняется другими). Этотъ послѣдній видъ отвѣтственности и является нашимъ социальнымъ долгомъ, не связаннымъ непосредственно съ нашими чувствами и настроеніями: ибо это есть долгъ, а не заповѣдь добра; логическая предпосылка общежитія, а не проповѣдь идеала; техника жизни, а не ея смыслъ и идея. Иначе говоря: подвигъ социального служенія не является нашей заслугой, насъ никто за него благодарить не станетъ; мы здѣсь не «благодѣтели», не «благотворители», а просто исполнители своего долга—совершенно такъ же, какъ мы платимъ налоги, отбываемъ государственныя повинности и т. п.

Но можно ли такого рода дѣятельность разсматривать, какъ религиозно оправданную и церковно освященную? Не является ли она стихіей міра сего, языческимъ, натуральнымъ добромъ?

Отвѣты на эти вопросы явствуютъ изъ того, что Церковь пріемлетъ и благословляетъ всю жизнь: культуру, государство, общество. А слѣдовательно, дѣятельность, напр., чиновника, (какъ части государственнаго аппарата), хотя и не является христіанскимъ подвигомъ, тѣмъ не менѣе освящена и оправдана. Не передъ вѣчностью, ибо на Страшномъ Судѣ его спросятъ только объ одномъ: о томъ, что одѣлалъ онъ со своимъ сердцемъ; но пе-

редь исторіей, которая есть «подвижный образъ вѣчности», средство богатѣть въ вѣчную жизнь.

А разъ это примѣнимо къ органамъ государства, то, значить, и къ органамъ общества, какими являемся всѣ мы. Такимъ образомъ передъ нами вырисовывается необходимость религіознаго пониманія нашего соціальнаго долга, независимаго отъ личной благотворительности, въ какой-то степени ей даже противоположнаго. Это двѣ различныя области (обѣ необходимыя) съ разными методами и задачами. Приглядимся поближе къ ихъ различію.

Въ личной благотворительности основой является чувство состраданія, отъ вѣтъ души на нужды ближняго, любовь къ данному, встрѣтившемуся мнѣ человеку. Поэтому личная благотворительность: 1) безпланна (я помогаю всякому, кто попался мнѣ на пути); 2) не критична (я не разбираюсь въ дѣйствительности нужды, а помогаю просто потому, что меня объ этомъ просятъ); 3) лична (связана съ моимъ переживаніемъ состраданія и, естественно, съ отвѣтнымъ чувствомъ благодарности); 4) непосредственна (я помогаю тутъ же сразу, не сравнивая однихъ съ другими, не жертвуя ими другъ для друга). И, наконецъ — самое главное — въ личной благотворительности я распоряжаюсь своими средствами и поэтому на всякій упрекъ въ несправедливости могу отвѣтить словами притчи: «Развѣ я не воленъ въ своемъ? Или глазъ твой завистливъ?»...

По сравненію съ этимъ, соціальное служеніе оказывается гораздо болѣе сухимъ, бездушнымъ, безчувственнымъ. Для того, чтобы не отворотиться отъ него съ самаго начала, надо постоянно помнить, что оно есть техника жизни, не радость души, долгъ а не добродѣтель.

1) Оно стремится къ осуществленію опредѣленныхъ цѣлей, — слѣдовательно, должно быть подчинено соотвѣтственному

плану; пищу, предназначенную для дѣтей, нельзя отдать инвалидамъ, хотя бы они и были голодны, и т. д. 2) Оно хочет достигать опредѣленныхъ **результатовъ**, — слѣдовательно, не терпитъ непроизводительной траты средствъ: помогать можно только дѣйствительной, проверенной нуждѣ. 3) Оно требуетъ гораздо болѣе точности, исполнительности, строгости, чѣмъ личнаго горѣнія сердца; здѣсь важнѣе наша «функція», чѣмъ «мы сами». 4) Оно насквозь пронизано логической тканью цѣлесообразности, послѣдовательности и подчиненности меньшихъ нуждъ большимъ, а слѣдовательно исключаетъ всякую непосредственность. И, наконецъ, — самое главное условіе, опредѣляющее всѣ остальные: въ соціальномъ служеніи мы распоряжаемся не своими средствами: — намъ вручаютъ ихъ для правильнаго употребленія; поэтому мы не имѣемъ права использовать ихъ по своему усмотрѣнію, но только по соціальной цѣлесообразности. Мы — общественные работники, а не благотворители; приказчики, а не хозяева.

Для подобнаго рода служенія трудно найти въ душѣ ласку и увлеченіе: такимъ сухимъ и бездушнымъ кажется оно на первый взглядъ; такимъ несвободнымъ представляется «благотворителю», привыкшему дѣйствовать по влеченію сердца; и, наконецъ: то обстоятельство, что это долгъ, а не заслуга, что за твою работу тебѣ никто спасибо не скажетъ — также не можетъ не произвести на душу охлаждающаго дѣйствія.

И однако подобный трудъ заповѣданъ намъ Евангеліемъ; его обязательность и неблагодарность предусмотрѣны заповѣдью Спасителя: ибо не къ этому развѣ относятся слова: «такъ и вы, когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: «мы рабы, ничего не стоящіе; потому что сдѣлали то, что должны были сдѣлать». Заповѣдь эта, конечно, можетъ быть примѣ-

нима ко всякому поступку христианина, ко всякому моменту его жизни.

Но въ особенности ясна она тамъ, гдѣ долгъ служенія непосредственно вытекаетъ изъ условій самого бытія, гдѣ повелѣніе трудиться на общую пользу, какъ бы заключено въ самомъ фактѣ общественной жизни. Общество, не обслуживаемое въ своихъ нуждахъ составляющими его членами, подобно пустому полю, не обрабатываемому живущимъ на немъ земледѣльцемъ; а это есть грѣхъ, ибо все дано намъ для творческаго преображенія, для воздѣлыванія и восполненія — въ мѣру утраченныхъ первообразовъ творенія, въ нашемъ уподобленіи Промыслителю о благѣ міра.

Въ этой социальной работѣ есть своя суровая красота, свой безэмоциональный пафосъ, берущій свое начало въ какихъ-то особыхъ, не эмоциональныхъ корняхъ нашей религіозной жизни. Ихъ нужно въ себѣ питать и възрѣвать. Ибо на этихъ путяхъ мы всегда стоимъ передъ соблазномъ утопізма: возомнить себя спасителями міра, прудъ послушанія подмѣнить иллюзіей творчества новой земли и новаго неба. Это узурпированіе правъ Творца (и, слѣдовательно, обоготвореніе человека) лежитъ въ основѣ георического социализма, сдѣлавшаго социальный вопросъ своей монополіей. Въ такомъ видѣ социальное служеніе кажется и болѣе значительнымъ и болѣе легкимъ; ибо оно

связано ореоломъ религіозной значимости; оно ведетъ человечество къ царству свободы и счастья... Преодолѣть эту ложь не такъ ужъ трудно; уроки науки и уроки жизни слишкомъ больно бьютъ по этой наивной вѣрѣ въ «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы». Гораздо труднѣе не выплеснуть изъ ванны вмѣстѣ съ грязной водой и ребенка, и принять социальный вопросъ на свою ответственность, не какъ «начало всѣхъ началъ», а какъ необходимую технику жизни, какъ спокойное служеніе по закону справедливости и добра; закону, который является для насъ обязательнымъ совѣтомъ не потому, что онъ удовлетворяетъ требованіямъ рабочаго класса или условіямъ экономическаго равновѣсія общества, а потому, что онъ данъ намъ Богомъ для исполненія и дѣятельнаго проведенія въ жизни. Религіозное обоснованіе социального вопроса и попытки его церковнаго разрѣшенія являются въ настоящее время одной изъ самыхъ важныхъ христіанскихъ задачъ, ибо здѣсь бьется сейчасъ пульсъ міровой жизни, здѣсь болѣетъ человечество, и пройти мимо этой раны, не обративъ на нее вниманія, значитъ уподобиться тому священнику, и тому левиту, которые «шедши той дорогою подошли, посмотрѣли и прошли мимо» (Лк. 10, 31).

Л. Зандеръ.

2-9 февраля, — финансовая кампанія Движенія во Франціи: необходимо собрать 108.060 франковъ.

Соціальная работа въ Соединенныхъ Штатахъ.

I.

Въ холодный и туманный день мы сидѣли въ курительной рубкѣ трансатлан-

тическаго парохода съ молодымъ французскимъ агрономомъ. Когда на его вопросъ я отвѣтилъ, что ѣду въ Америку для изученія социологіи, сидѣвшій напро-

тивъ американецъ, до тѣхъ поръ погруженный въ чтеніе какихъ-то бумагъ, и въ теченіе получаса не проявлявшій никакого интереса къ нашему разговору, вдругъ оживился и, быстро поднявъ голову, переспросилъ: «соціологія?». Черезъ двѣ минуты онъ назвалъ имена тѣхъ американскихъ пассажировъ самыхъ разнообразныхъ профессій, съ которыми, по его мнѣнію, еще до высадки, мнѣ непременно нужно поговорить о практической соціальной работѣ. Онъ не только назвалъ эти имена. Онъ разыскалъ меня на палубѣ на слѣдующее утро, когда носъ парохода уже медленно поворачивался къ широкой нью-йоркской бухтѣ, въ глубинѣ которой высокими зубцами виднѣлись призрачныя очертанія небоскребовъ. Въ начавшейся суетѣ высадки, среди гудѣнья вытасенныхъ изъ каютъ на палубу чемодановъ, желтыхъ и черныхъ, одинаково заклеенныхъ рекламами почти всѣхъ европейскихъ отелей, мы говорили о соціальной работѣ церкви съ бостонскимъ пасторомъ, къ которому меня подвелъ мой вчерашній собесѣдникъ.

Такъ еще въ самомъ преддверьи Америки я опять увидѣлъ то, что приходилось часто замѣчать и раньше въ разговорахъ съ американцами: соціологія является для нихъ чѣмъ-то совершенно инымъ, чѣмъ для европейцевъ. Конечно, знакомство съ соціологіей, какъ таковой, ограничивается и тамъ кафедами университетовъ и специальными соціологическими журналами. Какъ и въ Европѣ, многіе ученые отказываются еще видѣть въ ней научную дисциплину, и этотъ отказъ во многихъ случаяхъ бываетъ вполне оправданнымъ. Въ области соціальной философіи въ Америкѣ трудно найти что-нибудь новое по сравненію съ Европой; по сравненію же съ новѣйшими трудами германскихъ ученыхъ, соціальная философія Америки можетъ показаться устарѣвшей. Но мѣсто, занимаемое соціологіей въ общей культурной жизни Америки, совершенно не-

обычно для Европы. Интересъ къ соціальнымъ вопросамъ далеко выходитъ за предѣлы университетовъ и научныхъ обществъ. Если большинство американцевъ не-специалистовъ и мало знакомо съ соціологіей, какъ наукой, почти всѣ въ той или иной степени признаютъ важность самой постановки соціальныхъ проблемъ. Какъ это было въ описанномъ мною случаѣ, на пароходѣ, огромное число рядовыхъ американцевъ, если сказать имъ о научной соціологіи, проявятъ интересъ и хотя бы самое общее пониманіе того, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь. Сама американская жизнь постоянно наталкиваетъ ихъ на соціальные вопросы. Объ этомъ постоянно напоминаютъ церкви проповѣдями о Social Gospel («соціальное евангеліе») и соціальной работой приходо-довъ. Объ этомъ же говорятъ за мѣтки даже самыхъ бульварныхъ газетъ. Почта приноситъ ежедневно воззванія о пожертвованіяхъ, кратко и сильно излагающія необходимость соціальной работы. По дорогѣ на службу объ этомъ напоминаютъ плакаты популярной лекціи о соціальныхъ вопросахъ. Время отъ времени приходятъ просьбы заполнить опросные листы какого-нибудь Social Survey. Черезъ опредѣленные промежутки времени у дверей банковъ, конторъ и театровъ стоятъ подъ большими плакатами члены Арміи Спасенія съ кружками для пожертвованій и воззваніями. Такимъ образомъ, этотъ широко распространенный интересъ въ значительной степени является результатомъ пропаганды, умѣнія воздействовать на общественное мнѣніе, достигающихъ въ Америкѣ совершенно исключительныхъ размѣровъ. Но, конечно, никакая пропаганда не могла бы достигнуть такихъ результатовъ, если бы соціальный уклонъ не встрѣчалъ какого-то отзвука въ самомъ складѣ американской души, не былъ свойствененъ самому американскому мировоззрѣнію.

Современный ликъ Америки какъ то за-
ставляетъ забывать объ ея прошломъ. —
Нью-йоркскіе небоскребы и элеваторы,
одинаковыя свѣтло-пустынные комнаты
конторъ, гдѣ надъ всѣмъ преобладаетъ
трескъ пишущихъ машинъ, американскіе
торговые дома и тресты, сама внѣшность
современныхъ американцевъ — все это
какъ бы совсѣмъ заслоняетъ обликъ пер-
выхъ пуританъ піонеровъ въ ихъ остро-
конечныхъ черныхъ шляпахъ, которые
высаживались въ XVII в. съ кремневымъ
ружьемъ и Библией на пустынные песча-
ныя отмели Новой Англій, чтобы основать
здѣсь благочестивыя и суровыя теократи-
ческія общины. Передъ этими піонерами
стояла, какъ образецъ, женевская теокра-
тія Кальвина, прошедшая черезъ англо-
саксонскую призму ученія Джона Нокса
и пуританъ эпохи англійской революціи.
Какъ ни кажется отличнымъ этотъ міръ
піонеровъ отъ современной индустриаль-
ной Америки, пуританская культура про-
должаетъ жить въ Соединенныхъ Шта-
тахъ. Только она одна можетъ объяснить
многія явленія американской жизни.

Культурное вліяніе кальвинизма заклю-
чаетъ въ себѣ видимое противорѣчіе съ
его догматикой. Проповѣдь предопредѣле-
нія, индивидуализма и замкнутости въ лич-
ной жизни должны были, казалось бы,
привести къ фатализму. Между тѣмъ, какъ
разъ именно кальвинизмъ послужилъ им-
пульсомъ къ усиленной дѣятельности во
всѣхъ областяхъ жизни, включая и область
соціально - экономическую. Объясняется
это тѣмъ, что для кальвиниста его личное
предопредѣленіе къ спасенію явствуетъ
изъ внѣшнихъ успѣховъ его жизни: Богъ
отмѣчаетъ своихъ избранныхъ удачей и
изобиліемъ земныхъ благъ, волей къ тру-
ду, успѣшностью въ мірскихъ дѣлахъ. По-
мимо этого въ центрѣ кальвинистскаго
міровоззрѣнія стоитъ не милосердіе, не
любовь, и не всепрощеніе, а величіе и сла-
ва Божія, быть соучастниками которыхъ

предопредѣлено и избраннымъ еще въ те-
ченіе земной ихъ жизни. Долгъ вѣрующа-
го заключается въ томъ, чтобы прослав-
лять Бога своими дѣлами и всѣмъ внѣш-
нимъ устройствомъ жизни, какъ личной,
такъ и общественной. Поэтому религіоз-
ная проповѣдь Кальвина сразу вылилась
въ формы принудительнаго и обще обяза-
тельнаго соціального преобразованія—въ
основаніе женевской теократіи. То обстоя-
тельство, что Америка возникла, и разви-
валась изъ первоначальныхъ теократиче-
скихъ общинъ XVII вѣка подъ сильнымъ
вліяніемъ кальвинизма, было рѣшающимъ
для американской культуры и психологіи.
Это вліяніе распространяется далеко за
предѣлы церквей и общинъ, принадлежа-
щихъ къ кальвинизму.

Даже церкви, враждебныя кальвинизму,
подверглись его вліянію, и пуританизмъ
въ этомъ смыслѣ слова сталъ интеркон-
фессиональнымъ явленіемъ: кальвинизмъ
не столько вліялъ на догматику церквей,
сколько на культуру и психологію націи.
Это наложило особый отпечатокъ и на по-
становку и рѣшеніе соціальныхъ про-
блемъ. Религія, за очень рѣдкими исклю-
ченіями, почти невообразима для амери-
канца безъ миссіонерской и соціальной
дѣятельности — безъ внѣшняго преобра-
зованія жизни путемъ христіанизации со-
ціальныхъ отношеній. Такимъ образомъ
соціальный паѳосъ вытекаетъ изъ самыхъ
основъ американской религіозности.

Во многихъ отношеніяхъ религіозная
основа американской культуры уже сту-
шеввалась. Но переходъ отъ вѣры къ ра-
ціонализму не измѣнилъ основного укло-
на психологіи. Изъ всѣхъ конфессій каль-
винизмъ наиболѣе близокъ къ рационализ-
му; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мостовъ,
по которому совершался переходъ отъ
средневѣковой религіозной культуры къ
раціоналистической культурѣ XVIII и XIX
вѣковъ. Поэтому и раціоналистическая
Америка полна тѣмъ же паѳосомъ, что и

Америка религіозна. Подъ ту же психологию подведенъ лишь другой фундаментъ — религія гуманизма и раціональнаго преображенія міра.

Другой особенностью американской психологии является необычайный социальный оптимизмъ. Въ Америкѣ чрезвычайно сильна вѣра въ прогрессъ и во всемогущество науки. Средній, типичный американецъ глубоко вѣритъ, что все зло и всѣ несчастія жизни будутъ со временемъ устранены. Нужно только выработать соотвѣтствующій методъ и соотвѣтствующія официальные учрежденія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны тѣ коренныя разногласія, которыя неминуемо возникаютъ при встрѣчѣ американцевъ съ религіозными представителями культуръ, выросшихъ тоже на почвѣ протестантизма, но въ формѣ лютеранства, какъ, напримѣръ, на конференціи въ Стокгольмѣ или на всемірномъ съѣздѣ У.М.С.А. въ Гельсингфорсѣ. На этихъ съѣздахъ нѣмцы всегда высказываются пессимистически. Для нихъ міръ «непоправимо лежитъ во злѣ». Его учрежденія имѣютъ свои законы, не зависящіе отъ религіи. Никакое воспитаніе не искоренитъ зла, заложеннаго въ человѣкѣ съ самаго его рожденія. Война и преступленіе — неизбежныя явленія земной жизни. На фонѣ этого пессимистическаго міровоззрѣнія особенно ярко выступаетъ дѣятельный оптимизмъ англо-саксонцевъ и, въ особенности, американцевъ съ ихъ безусловной вѣрой въ прогрессъ и неограниченныя возможности человѣческой дѣятельности, съ ощущеніемъ лежащаго на всѣхъ социальнаго долга.

Этому вопросу социальной дѣятельности соотвѣтствуютъ и совершенно особыя — внутреннія и внѣшнія — условія американской жизни. Американскій геній организаціи проявляется, какъ въ области государственно-общественной, такъ и въ области частной • благотворительности.

Американцы, помогая своимъ ближнимъ, дѣлаютъ это съ той же системой и дѣловитостью, какъ и въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ. Въ работѣ своихъ социальныхъ учреждений они прежде всего стараются поставить ихъ на дѣловую ногу, пытаются найти новый методъ, который при минимумѣ затратъ денегъ и энергіи, достигалъ бы максимальныхъ результатовъ.

Въ Америкѣ за послѣднія десятилѣтія накопились огромныя богатства. Благодаря умѣлой пропагандѣ, значительная часть ихъ щедро раздается на социальные и научныя учрежденія. Это обстоятельство придаетъ особый характеръ и всей социальной работѣ въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ. При интересѣ американцевъ къ социальнымъ вопросамъ, учрежденія, работающія въ этой области, имѣютъ возможность собирать совершенно сказочныя для Европы суммы денегъ, что открываетъ имъ широкое поле для опытовъ и выработки новыхъ методовъ. Въ области социальной работы Америка является грандіознымъ опытнымъ полемъ. Многіе изъ произведенныхъ опытовъ возможны только въ американской обстановкѣ. Среди этой работы есть много, быть можетъ, спорнаго, но несомнѣнно и то, что многія изъ американскихъ достижений уже вписываютъ совершенно новыя страницы въ исторію социальныхъ мѣропріятій. Поэтому изученіе практическаго разрѣшенія социальныхъ проблемъ въ Америкѣ имѣетъ большое значеніе и для другихъ государствъ; оно будетъ нужно и для Россіи.

Задачей послѣдующихъ очерковъ менѣе всего является стремленіе дать исчерпывающую картину социальной политики Америки. Изъ 48 штатовъ трудно найти два, въ которыхъ социальное законодательство и социальные учрежденія были бы вполне тождественны. Федеральное законодательство только въ нѣкоторыхъ случаяхъ накладываетъ одинаковую организацію на всѣ штаты. Описаніе социаль-

ной политики, поэтому, вовлекло бы в детальное рассмотрение законодательствъ, отдѣльных штатовъ. Моей задачей так же не является ни подробное описаніе всѣхъ новыхъ методовъ соціальной работы, ни ихъ критика, ни сравненіе съ европейскими учрежденіями. Для этого понадобился бы многотомный трудъ, такъ какъ главный интересъ практическихъ со-

ціальныхъ методовъ заключается въ техническихъ подробностяхъ и деталяхъ.

Я попытаюсь дать лишь разрозненные, часто наудачу выхваченные, очерки отдѣльных учреждений и методовъ соціальной работы въ Америкѣ, стремясь передать болѣе ихъ духъ и общую структуру, нежели детальную схему организацій.

Н. А. Клепининъ.

Недѣля Труда — для гонимой Церкви, для Родины, для молодежи.

Отцы и дѣти

Наше старшее поколѣніе въ лицѣ своихъ лучшихъ людей осуществило большое и важное: возвратило русскую мысль къ православію, остановило русское интеллигентское исканіе «смысла жизни» на церковномъ идеалѣ. Въ этомъ его непрекаемая заслуга. Заслуга — «первыхъ людей на первомъ плоту», открывшихъ своимъ «жаждущимъ и воспаленнымъ» спутникамъ берегъ.

Несомнѣнно, однако, что общій языкъ между старшимъ и идущимъ ему на смѣну поколѣніемъ не найденъ. Молодые настроены скептически и холодно, — они какъ бы не цѣнятъ того, что добыто съ такимъ трудомъ старшими.

Естественны возникающія изъ этого обвиненія молодежи въ нигилизмъ — которыя, намъ кажется, все же нужно договорить и додумать до конца. Одной изъ такихъ попытокъ договорить до конца — разумѣется, весьма несовершенной, — и является настоящая замѣтка.

Русскій нигилизмъ*) имѣетъ и свое положительное основаніе. Это положитель-

ное основаніе — жажда духовная. Невозможность надолго увѣровать въ «дешевку», потому что тоска по живомъ Богѣ сжигаетъ душу. Именно поэтому русскій нигилизмъ открывается въ эпоху безрелигіозную, когда Церковь изъ центра жизни отодвигается на периферію, когда взявшіе ключъ знанія сами не входятъ и другихъ не пускаютъ, «когда все существеннымъ образомъ смѣшивается».

«Смыслъ жизни», утверждаемый въ Церкви, тѣмъ самымъ утверждается въ абсолютномъ, вѣчномъ, неизмѣняющемся. Отсюда его устойчивость, — неподверженность нигилистическимъ срывамъ. — «Смыслъ жизни», утверждаемый внѣ Церкви, тѣмъ самымъ ставится въ сугубую зависимость отъ относительнаго, временнаго, измѣняющагося. Отсюда его неустойчивость — подверженность нигилистическимъ срывамъ. — Въ этомъ метафизика нигилизма, въ этомъ, если хотите, его оправданіе.

Вышесказанное всецѣло подтверждается исторіей:

*) Слово «нигилизмъ» въ настоящей замѣткѣ употребляется въ общепринятомъ популярномъ смыслѣ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляютъ представи-

тели впереди идущаго поколѣнія, когда они хотятъ заклеить имъ «нечувствіе» поколѣнія за нимъ слѣдующаго, а вовсе не какъ точный философскій терминъ.

1. Исторія русской внѣцерковной интеллигенціи: декабристы, сороковые года, шестидесятые, восьмидесятые, предреволюціонное время, наконецъ, наше время — есть постоянная неудовлетворенность даннымъ, откуда — постоянное стремленіе ниспровергнуть данное. Дѣти «сжигаютъ» то, чему «поклонялись» отцы и поклоняются новому, что, въ свою очередь, безъ великаго сожалѣнія сжигаютъ ихъ дѣти. Проблема «отцовъ и дѣтей» на всемъ протяженіи этой исторіи не теряетъ своей остроты. (Взятые нами сроки, двадцатые годы прошлаго столѣтія, конечно, не есть начало этой исторіи; но именно съ этого времени особенно наглядно несоответствіе послѣдующаго предыдущему, даже въ такихъ, незначительныхъ исторически, двадцатилѣтнихъ промежуткахъ).

2. Эпоха цѣлостной органической культуры, питающей сердцевиной которой была Церковь, явленная исторіей въ Московской Руси, наоборотъ, поражаетъ насъ устойчивостью своихъ идеаловъ, — показываетъ примѣры безграничной вѣрности своимъ авторитетамъ, даже черезъ соблазны и даже черезъ смерть. Что такое, скажемъ, время Иоанна Грознаго, какъ не молчаливое и терпѣливое послушаніе, въ сознаніи, несмотря ни на какія искушенія, невозможности измѣнить тому, что освящено церковной истиной и церковной традиціей? — Не сожженіе сегодня того, чему поклонялись вчера, но «ни всего міра не хошемъ богатства противу своего крестнаго цѣлованія», — вотъ что центрально для этой эпохи. Этими словами, однако, нисколько не закрываются глаза на тѣ мятежные срывы и взрывы, которыми полна исторія Московской Руси, которые нужно, конечно, отнести къ явленіямъ иного порядка: не къ исканію новыхъ идеаловъ, но къ неустроенности русской души, переливающейся черезъ край силъ

ея, — откуда ушкуйничество и казачество. Къ послѣдному слѣдуетъ также прибавить безчинства противъ существующаго порядка по мотивамъ личнаго или классоваго характера, на примѣръ, Васианъ Патрикѣевъ, Курбскій, — что впрочемъ, несущественно, какъ неимѣющее общенациональнаго смысла.

Итакъ, правда нигилизма въ его направленности противъ того, что въ существующемъ заслуживаетъ ниспроверженія. Въ чемъ же тогда правда современнаго «нигилизма»?

Не нужно забывать, что христіанство, послѣ того, какъ оно утвердилось въ мірѣ, еще очень долго должно было бороться съ язычествомъ не только какъ съ внѣшней силой, но и въ самомъ себѣ, тщательно и терпѣливо вынимая изъ своего тѣла занозы лжеименнаго гносиса. Достаточно вспомнить Оригена, Александрійскую школу, даже св. Григорія Нисскаго.

Наше интеллигентское православіе послѣ нашего интеллигентскаго язычества, конечно, не можетъ быть сразу чистымъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что наше православіе интеллигентское, во всякомъ случаѣ его словесныя опредѣленія — не есть еще православіе, но лишь наши личныя впечатлѣнія отъ православія, не всегда ясныя, не всегда глубокія, не всегда вѣрныя. Знамя «возвращающейся къ Церкви интеллигенціи» еще не «широко вѣющій стягъ православія», но лишь «растрепанные обрывки христіанства». Поэтому «легкій нигилизмъ» въ отношеніи «новыхъ церковныхъ авторитетовъ» не только понятенъ, но и праведенъ, — въ то же время онъ нисколько не противорѣчитъ исконной великой русской жадѣ «обрѣсти святыню или святого, пасть предъ нимъ и поклониться ему».

Вѣрю въ то, что идущіе за нами станутъ впереди насъ.

Л. Гринченко.

Православный нигилизмъ или православная культура?

Статья Л. Гринченко представляет первый на страницах «Вѣстника» откликъ «дѣтей» на обвиненія «отцовъ». Мы привѣтствуемъ его починъ. Чтобы договориться до чего-нибудь, нужно объясниться начистоту. То, что высказалъ Л. Гринченко, несомнѣнно, на умѣ у многихъ. Мы ждемъ, что эти многіе не останутся безмолвны и подадутъ свой голосъ въ этомъ интересномъ спорѣ.

Пока приходится пожалѣть, что свою основную мысль Л. Гринченко осложнилъ историческими экскурсами, не разъясняющими, а затемняющими ее. А главное, что онъ съ такой неосторожной смѣлостью принялъ брошенный молодому поколѣнію вызовъ и оставилъ за собой кличку «нигилиста». Подражая въ этомъ отношеніи Базарову, онъ до известной степени принялъ на себя защиту русскаго нигилизма. Но то, что было естественно для революціонера Базарова, отрицавшаго «все» (кроме естественныхъ наукъ), то оказывается весьма странно въ устахъ православнаго защитника крѣпкой традиціи. Этотъ парадоксъ нѣсколько разъясняется особымъ значеніемъ, въ которомъ авторъ употребляетъ слово нигилизмъ. Для него нигилизмъ лишь «нечувствіе» къ цѣнностямъ старшаго поколѣнія, т. е. разрывъ съ отцами. Онъ ошибается лишь, считая это значеніе слова «популярнымъ». Въ такомъ смыслѣ слово «нигилизмъ» употребляется имъ впервые, и нельзя сказать, чтобы новая терминологія содѣйствовала ясности спора.

Право cadaго поколѣнія на исканіе своего собственнаго пути и на защиту его отъ «отцовъ» не подлежитъ сомнѣнію.

(Какъ, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и то, что народъ, въ которомъ каждое поколѣніе начисто отрицаетъ дѣло отцовъ, не можетъ создать органической культуры). Но не объ этомъ правъ идетъ рѣчь. Старшее поколѣніе сейчасъ упрекаетъ молодежь не въ бунтъ, а въ отрицаніи или въ недооцѣнкѣ культуры. Это и называется въ просторѣчьи православнымъ нигилизмомъ. Нигилизмъ — русскій, вѣрующій (а не скептическій) — православный, базаровскій или всякій иной, — характеризуется тѣмъ, что, за исключеніемъ единственнаго, признаваемого за основу жизни, все остальное начисто отрицается: какъ барское и ненужное (шестидесятники), какъ «надстройка» (марксисты), какъ еретическій соблазнъ (наше время). Въ этомъ сказывается безудержность русской натуры, плохо воспитанной, не привыкшей къ сложности жизни и не умѣющей за разъ держать въ умѣ болѣе одной мысли. Отсюда это повальное упростиельство, которое съ 60-хъ годовъ является злокачественной болѣзью, какимъ-то ракомъ, разъѣдающимъ нѣкогда цвѣтущій и богатый организмъ русской культуры (Пушкинъ и его время). Но въ условіяхъ революціонной катастрофы, истребленія культурнаго слоя въ Россіи, новый нигилизмъ грозитъ вообще культурнымъ срывомъ Россіи, превращеніемъ ея въ безбрежное и сѣрое — допустимъ, православное и демократическое — Пошехонье.

Л. Гринченко правъ, конечно, когда связываетъ русскую борьбу отцовъ и дѣтей («нигилизмъ» въ его смыслѣ) съ отрывомъ отъ церковной традиціи. Онъ менѣе

правъ (но все же правъ), указывая на устойчивость Москвы. Его ошибка въ томъ, что онъ не видитъ въ Московской Руси глубокаго кризиса начала XVI вѣка, существенно измѣнившаго весь ея духовный строй. Отъ удѣльнаго быта къ самодержавію, отъ «святой Руси» къ «православному царству» — это была огромная ломка нравственныхъ и религіозныхъ понятій. Вассіанъ Патрикѣевъ и Курбскій были консерваторами, связавшими дѣло стараго боярства съ завѣтами св. Кирилла Бѣлозерскаго и Нила Сорскаго. Вмѣстѣ съ погибающимъ классомъ погибали (или тускнѣли) и эти завѣты — идеаль полутысячелѣтней жизни древней Руси. Это показываетъ, что и религіозная цѣлность, даже построенная на православной церковности, не предохраняетъ отъ революцій въ области культуры — какъ духовной, такъ и социальной. Это понятно: культура, даже религіозная, есть область человѣческаго творчества — всегда измѣнчиваго, даже тогда, когда оно утверждено на камнѣ вѣры. Прекращеніе движенія есть смерть, застой — тяжелая боль. Москва XVII вѣка была тяжело больна, скрывая свой недугъ подъ обманчивымъ румянцемъ тучной дебелости и красками внѣшняго обрядовѣрія. Реформы (или революція) Никона и Петра были неотвратимымъ, хотя и опаснымъ средствомъ спасти больного отъ паралича.

Полезно вдуматься въ трагедію древней Руси, ибо въ ней заложены отдаленные корни русскаго нигилизма (и въ нашемъ и въ Гринченковскомъ смыслѣ). Православная Русь получила изъ Греціи неповрежденную чистоту вѣры и сохранила ее. Въ своей духовной жизни она явила міру высокій образецъ христіанскаго подвижничества, еще не вполне уясненнаго для насъ самихъ. Въ своемъ религіозномъ искусствѣ она обнаружила несомнѣнную геніальность. Она сумѣла создать могучее государство, о которое разбились враж-

дебныя волны и съ Запада и съ Востока. Одного не имѣла Русь: культуры мысли. Въ этой области она не пожелала учиться у грековъ, не подняла факель, брошенный погибшей Византіей, и осталась въ младенческой порѣ сознанія. Она забыла слова апостола: «Не будьте младенцами по уму». Въ результатѣ, когда она столкнулась съ «умомъ» въ лицѣ Запада, въ лицѣ нѣмецкой слободы въ Москвѣ, она оказалась передъ нимъ безоружной. Неизбѣжный для ея существованія процессъ усвоенія западной техники для варварскихъ и простыхъ (не въ добромъ смыслѣ) умовъ превратился въ духовное рабство и отреченіе отъ своей традиціи.

Не то же ли повторилось въ 60-хъ г.г.? Конечно, русскій нигилизмъ этихъ годовъ можетъ быть поставленъ (Гринченко правъ) въ линію русской безпочвенной мысли 20-хъ, 30-хъ и т. д. годовъ. Но **этотъ** нигилизмъ имѣетъ и другіе корни. Не даромъ онъ связанъ съ появленіемъ на исторической сценѣ разночинцевъ, людей старой православной культуры, въ большинствѣ случаевъ, изъ духовной среды. Семинаристы — самый замѣтный слой среди нигилистовъ. Какъ объяснить это? Не такъ ли, что въ своихъ семинаріяхъ, или, шире, въ старой традиціи, они не нашли культуры, не нашли сружия. Достаточно остраго, чтобы справиться съ атакой Бюхнеровъ и Молешотовъ? Жалки были враги (не выше коммунистическихъ идеологовъ), но и передъ ними не устояли. Для многихъ отрывъ отъ религіозной почвы былъ мучителенъ. Добролюбовъ, на примѣръ, былъ сильной религіозной натурой. Погубила его слабость разума, дѣтская беззащитность передъ змѣемъ.

И теперь — трагедія нашего времени. Поколѣніе, своими исканіями, болью, грѣхомъ и покаяніемъ выведшее русскую мысль на дорогу православной культуры, съ тревогой смотритъ на будущее. Если свѣтильникъ его послѣ него окажется въ

рукахъ православныхъ нигилистовъ, что сулить завтрашній день? Сумѣютъ ли они отстоять это сокровище, все значеніе котораго имъ самимъ непонятно, отъ ударовъ врага? Снова, въ который разъ, крѣпость православной культуры на Руси будетъ сдана безъ боя. За семинаристомъ ханжей идетъ семинаристъ-кошунникъ, не можетъ не прийти, по закону историческаго возмездія. Доколѣ же будетъ продолжаться эта безмысленная карусель? Всякому долготерпѣнію есть конецъ — даже Господа Бога. «Богъ воленъ изъ камней сихъ создать дѣтей Аврааму». Индусы и китайцы придутъ и возлягутъ съ Авраамомъ и московскими угодниками въ то время, какъ на мѣстѣ нѣкогда святой Руси будетъ разстилаться духовное болото.

Вотъ отъ какого призрака мы съ ужасомъ отвращаемся — мы, имѣющіе опытъ всякихъ нигилизмовъ, — и говоримъ: довольно.

Въ своей критикѣ богословскихъ достижений старшаго поколѣнія Л. Гринченко совершенно правъ. Эпоха исканій не была, не могла быть эпохой свершеній. Въ ней много незрѣлаго, субъективнаго, подлежащаго пересмотру.

Новая эпоха ждетъ творческаго синтеза, цѣлостнаго, чистаго, «мѣрнаго» православнаго гнозиса (мудрости). Но единственное условіе для него — школа мудрости. Не цензоры, не инквизиторы, не ересіологи создаютъ богословіе. Ссылки Л. Гринченко на Оригена и св. Григорія Нисскаго весьма кстати — только не для его позиціи. Даже въ боговдохновенномъ творествѣ христіанской догмы отцы Церкви не были свободны отъ заблужденій, и первые создатели системъ, первые мыслители, смѣло поставившіе цѣлью выразить содержаніе Откровенія на языкѣ эллинской мысли, потерпѣли и самыя тяжелья неудачи. Но завершители ихъ дѣла, основоположники православія не были «нигилистами», простыми искоренителями ересей. То были люди высокой мысли и высокой культуры, соединившіе свою мысль и культуру съ духовной жизнью и церковнымъ вдохновеніемъ. Св. Григорій Нисскій изъ ихъ числа, на ряду съ другими великими каппадокійцами, съ великимъ Аванасіемъ и Кирилломъ. Ихъ вдохновенная мысль, а не «панаріоны» (каталоги ересей) легла въ основу вселенскихъ соборныхъ символовъ.

Г. Федотовъ.

Смердяковщина.

— Своимъ умомъ дошелъ? — криво усмѣхнулся Иванъ.

— Въ ~~руководствѣ~~ руководствѣ съ.

— Вы убили, Вы главный убивецъ и есть, я только вашимъ приспѣшникомъ былъ, слугой Личардой вѣрнымъ, и по слову вашему дѣло это и совершилъ.

«Братья Карамазовы».

Смердяковщина — характерная черта нашей современности, но нигдѣ въ мірѣ не расцвѣла она такимъ махровымъ цвѣтомъ, какъ въ безудержной Россіи.

Въ чемъ заключается суть этого явленія, прототипомъ коего является безсмертный лакей изъ «Братьевъ Карамазовыхъ»?

По землѣ проходятъ люди съ истерзаннымъ сердцемъ и горящимъ духомъ, люди далекіе буднямъ земли, вѣчно ищущіе послѣдней правды, абсолютнаго, неопровержимаго.

Это не тепленькіе, но горячіе или холодные — всегда идущіе надъ бездною, всегда готовые ринуться въ нее, всегда въ крайностяхъ.

Это творцы великихъ ученій, часто борцы съ Богомъ, но всегда близкіе Богу и мучимые Имъ.

Это родъ Ивана Карамазова, утверждающаго идею челоѣкобога:

«Челоѣкъ возвеличивается духомъ божеской, титанической гордости и явится челоѣкобогъ. Ежечасно побѣждая уже безъ границъ природу, волею своею и наукой, челоѣкъ тѣмъ самымъ ежечасно будетъ ощущать наслажденіе столь высокое, что оно замѣнитъ ему всѣ прежнія упованія наслажденій небесныхъ».

Но изъ этого же рода людей — и великіе праведники, аскеты, религіозные провидцы, самъ Достоевскій. Люди, отмѣченные печатью страданій и сомнѣній, рѣдкіе гости на землѣ, они вызываютъ сильныя броженія среди миллионъ людей, находятъ всегда послѣдователей и враговъ. Часто послѣдніе пронизаны еще ихъ горящимъ духомъ, благородствомъ ихъ страданія, но больше и чаще кружатся въ пустопляскѣ вокругъ ихъ ученій — Смердяковы. Смердяковы всегда, во всѣ времена существовали, но иногда нѣкоторыя историческія эпохи были особенно сильно поражены этими паразитами челоѣческаго духа, могущими существовать только за счетъ великихъ духомъ. Подобно саранчѣ множатся они и уничтожаютъ зеленые луга долголѣтней культуры. Жизнь начинаетъ смердѣть, хирѣть, гибнуть. Горе, если люди не соединятся свое временно въ борьбѣ съ этой болѣзнию. Тогда произойдетъ страшное: искусство станетъ украшеніемъ клоакъ, культура — торговѣй фирмой, и у власти станутъ лакеи...

Господа, присмотритесь къ современной жизни, взгляните внимательнѣе на бытъ совѣтской Россіи. Не надо быть особо дальнозоркимъ, чтобы увидѣть, какъ на тѣлѣ Россіи копошатся миллионы этихъ смердящихъ бациллъ. Весь міръ зараженъ

сейчасъ этой бациллою, но сильнѣе всѣхъ — Россія.

Смердяковы — это тѣ, кто во что бы то ни стало хотятъ хамски упростить жизнь, засыпавъ глубины духа; тѣ, кто ненавидятъ духъ челоѣка страшною звѣриной ненавистью; кто никогда ничего не созидаютъ, но всегда разрушаютъ созданное не ими.

Ирраціональное, глубинное Смердяковы понимаютъ своимъ куринымъ умомъ всегда, какъ земное, сѣрое, будничное...

— Чѣмъ я могъ вселить въ твою подлую душу такое низкое для меня подозрѣніе? (желаніе убить своего отца) — спрашиваетъ съ мукой Иванъ Федоровичъ лакея-убійцу Смердякова.

— Какъ это такъ?.. А наслѣдство-то-съ? — ядовито и какъ-то даже отомстительно подхватилъ Смердяковъ. — Вѣдь вамъ тогда послѣ родителя вашего на cadaго изъ трехъ братьевъ безъ малаго по сорока тысячъ могло придтись.

— Стало быть, я, по твоему, брата Дмитрія къ тому и предназначалъ? — (къ убійству отца). — Какъ же вамъ на нихъ не рассчитывать было; вѣдь убей они, то тогда чиновъ и имущества лишатся и въ ссылку пойдутъ-съ. Такъ вѣдь тогда ихняя часть-съ послѣ родителя вамъ съ братьевъ Алексѣемъ Федоровичемъ останется. Это вы на Дмитрія Федоровича безпремѣнно тогда рассчитывали...

Вотъ въ чемъ сущность смердяковщины, вотъ гдѣ трагедія великихъ духа.

Иванъ Карамазовъ ведетъ страшную борьбу съ Богомъ, онъ на грани безумія, а лакей Смердяковъ въ безумномъ бредѣ возставаго на Бога челоѣка слышитъ свое — все дозволено. Курица умѣетъ считать до четырехъ. Дальше идеала комфортной жизни въ европейскихъ понятіяхъ Смердяковъ не идетъ: не хватаетъ его куриного сознанія. Въ искусствѣ онъ видитъ лишь «выдумку», оно скучно.

Его желтая скопческая голова съ при-

лизанными волосаками, съ куринымъ умомъ не способна воспринять глубже вѣчное. Гдѣ-то высокій заборъ, черезъ который ему не перепрыгнуть, а за этимъ заборомъ то и начинается жизнь. Его «человѣческое» хочетъ проникнуть туда, черезъ этотъ заборъ, но ему положенъ запретъ — отсюда его безысходность, страшная, пыльная, сѣрая скука, желтое, скопческое лицо.

Смердякову непонятны честь и жертва, любовь и подвигъ.

Смердяковъ не любитъ Россіи, ему чужда русская стихія, но плѣняетъ его скудное воображеніе комфортабельная и цивилизованная жизнь Европы. Встрѣчаясь на каждомъ шагу съ темнымъ и непонятнымъ, Смердяковъ воспринимаетъ это по своему, собираетъ изъ вселенной коллекцію марокъ...

Большевицкая революція, во главѣ которой стали лакеи-Смердяковы, способствовала чрезвычайному быстрому размноженію Смердяковыхъ. Польша Россіи сейчасъ поражено смердящимъ духомъ ихъ страшной разрушительной работы.

Вся «борьба съ Богомъ», «штурмъ небесъ», вся работа безбожниковъ ведется Смердяковыми. Посмотрите, господа, приглядитесь. Гдѣ былыя грозныя рѣчи, гдѣ страдающія, мучимыя Богомъ души? Развѣ всѣ эти Кобецкіе, Лебедевы, Сарабяновы, Емели Ярославскіе и имъ подобные, развѣ это вдохновенные борцы съ небомъ, горящіе пѣвцы человѣческаго самоволія?

Нѣтъ, нѣтъ... Это слѣпыя Смердяковы, трусливые и жадные, родившіеся въ клоакахъ человѣческихъ. Это они по своему, своимъ куринымъ умомъ поняли страданія, гордый вызовъ Богу Байрона, Шелли, Ницше, самаго Достоевскаго. Это смерды и не штурмуютъ небесъ они, а лишь практически устрояютъ жизнь по «образцамъ европейскимъ».

«Только больные, ненормальные люди могутъ упорно твердить, что имъ было

«видѣніе», или что они слышали «голоса». И только гнусные лицемеры и отвратительные обманщики — попы — используютъ боѣзненное и ненормальное состояніе людей для распространенія религіознаго дурмана въ интересахъ эксплуататоровъ», — вотъ что пишетъ одинъ изъ этихъ «смердящихъ» — д-р. Брукъ, своимъ докторскимъ титуломъ подкрѣпляя авторитетность сказаннаго.

А Мойсей, Сократъ, Гоголь, Врубель, Беато-Анджелико, св. Серафимъ Саровскій, все мировое искусство, музыка, живопись, поэзія?

Развѣ не на откровеніяхъ созидалась культура? Но для д-ра Брука всѣ вожди челоѣчества больные, ненормальные и... «гнусные лицемеры».

А вотъ другой Смердяковъ — докторъ Либерфарбъ. Онъ написалъ статью: «Наука о душѣ». Наука, видите ли, пересаживая нѣкоторые органы съ одного пола на другой, установила, что тѣмъ самымъ и животное, которому пересаживали эти органы, становилось особью другого пола. Вспрыскивая подъ кожу животнаго нѣкоторые растворы, ученые добивались того, что характеръ животнаго мѣнялся (отъ желчи челоѣкъ становится злымъ). Дальше докторъ Либерфарбъ сообщаетъ намъ о томъ, какъ запоры и разстройство желудка вліяютъ на психику челоѣка и, наконецъ, рассказываетъ объ опытахъ д-ра Воронова надъ омоложеніемъ. Какіе же выводы? А вотъ: «значить и людей можно было бы превращать изъ женщинъ въ мужчинъ и наоборотъ и мѣнять не только тѣло, но и психику, «душевный складъ». Но что же представляетъ собою въ такомъ случаѣ душа? Что это за духъ, который связанъ то съ щитовидной железой, то съ половыми органами и т.п.? «Не проще ли объясняются всѣ явленія, если забыть о душѣ и помнить только о тѣлѣ? Сказка о душѣ нужна была для того, чтобы отвлечь вниманіе трудящихся отъ мыс-

ли и заботы о своемъ тѣлѣ», — вотъ вы-
водъ доктора Либерфарба, заключитель-
ное слово Смердякова.

Да, проще объясняются всѣ явленія, ес-
ли забыть о душѣ, да, только жизнь и ея
явленія не просты, совсѣмъ не просты, а
вотъ упрощать все — это чисто смердя-
ковское. Вѣдь курица умѣетъ считать
только до четырехъ. А Смердяковы даль-
ше половыхъ органовъ, щитовидной желе-
зы и печени не видятъ, не умѣютъ ви-
дѣть. «Безъ души легче жить и спокой-
нѣе, чѣмъ съ душой — таково разсужде-
ніе Смердяковыхъ. «Вѣра въ загробную
жизнь это удѣлъ дикарей, не имѣющихъ
правильнаго научнаго представленія о че-
ловѣческомъ организмѣ и въ частности
объ актѣ смерти» — говоритъ Логиновъ.
Каково же это научное представленіе объ
актѣ смерти и человѣческомъ организмѣ?
Вотъ: «Въ Евангеліи говорится, что
Христосъ воскрешалъ людей. А у насъ въ
Ленинградѣ проф. Оппель это дѣлаетъ.
Человѣкъ лежалъ на операционномъ сто-
лѣ и умеръ: остановилось сердце и въ те-
ченіе 13 минутъ не работало. Человѣкъ не
дышалъ, былъ мертвъ. Проф. Оппель мас-
сировалъ сердце, оно заработало, чело-
вѣкъ «воскресъ изъ мертвыхъ», онъ
всталъ и началъ ходить. Вотъ вамъ вос-
кресеніе изъ мертвыхъ безбожными мѣра-
ми». Это сообщеніе помѣстилъ «Безбож-
никъ у станка». Со смердяковщиной нель-
зя бороться, опровергая ея утвержденія;
чтобы уничтожить ее, необходимо найти
ея источники, корни, и здѣсь начать борь-
бу.

Для смердяковыхъ «искусство должно
регулироваться политпросвѣтомъ». «Къ
проявленіямъ поповщины въ нашей лите-
ратурѣ и искусствѣ надо зорко присмат-
риваться и энергично бороться противъ
нихъ «нужно создать антирелигіозное
искусство». Въ статьѣ объ искусствѣ
юдинъ изъ этихъ Смердяковыхъ утверж-

даетъ, что все искусство до сихъ поръ
было религіознымъ, было «служанкой ре-
лигіи» потому, что буржуазіи нуженъ
былъ религіозный дурманъ для трудящих-
ся, и вотъ «буржуазія, создавшая религію,
оплачивала искусство». Боже, Боже! Ра-
фаэль писалъ потому, что у него заказы-
вали буржуи, а вотъ Смердяковъ заказы-
ваетъ антирелигіозное искусство, и «мы
создадимъ безбожныхъ Рафаэлей, Бетхо-
веновъ, Данте». — Но они не появляют-
ся.

Описывая картины извѣстныхъ худо-
жниковъ (Рафаэля, Микель-Анджело, Боти-
челли, Васнецова) одинъ изъ Смердяко-
выхъ пишетъ: «Много вѣковъ перетряхи-
валась эта тема (моленіе о чашѣ и Гол-
гоѳа) съ совершенно ясной классовою
установкой — создать въ головахъ тру-
дящихся «свѣтлый» и «благородный» об-
разъ, который провоцируетъ ихъ на «бла-
городное» служеніе». — «Гнусная сущ-
ность елейно-ядовитаго образа Христа»...

Вы слышите, какъ шипитъ эта змѣя въ
безсильной злобѣ? — «Своимъ умомъ до-
шелъ?». — «Нѣтъ, вашимъ руковод-
ствомъ-съ». Это чѣмъ же — Штирнера,
Ницше, И. Карамазова?

На каждомъ шагу въ совѣтской Россіи
встрѣчаются эти дѣти блуда и юродства.
Эти люди душатъ Святую Русь, они ду-
шатъ науку, искусство, духъ человѣче-
скій; они хотятъ просто и спокойно жить.

Они не знаютъ Россіи, не понимаютъ
ея народа, ненавистна имъ русская стихія,
хотя ея же и рождены они.

«Русскій народъ — Обломовъ; онъ ни-
чего не создалъ, русской культуры не су-
ществуетъ; все, что создано въ Россіи, —
создано иностранцами или русскими съ
иностранной кровью», — сказалъ Луна-
чарскій.

Въ Россіи смердитъ. Можно ли забыть
объ этомъ?

Николай Мартыновъ.

Орелъ и Крестъ.

I.

Въ вольномъ городѣ Данцигѣ есть домъ. Онъ построенъ по мысли Великаго Петра, на землѣ, по его приказу купленной.

На фронтонѣ дома былъ двуглавый орелъ, высѣченный изъ сѣраго камня.

Въ томъ домѣ помѣщалось Россійское консульство. А въ одномъ изъ нижнихъ покоевъ его былъ православный храмъ, созданный эмигрантами.

Вольный городъ призналъ совѣтскую власть. Тогда старому консулу предложили очистить домъ для новаго, а храмъ — убрать.

«Сума торговая» двухъ православныхъ людей «воздвигла Божій домъ» въ новомъ мѣстѣ.

А орла сняли, собравъ средства на работы по снятію подписнымъ листомъ. И онъ долго лежалъ гдѣ-то въ кладовой.

Когда его снимали, одинъ вдумчивый человекъ какъ-то особенно внимательно приглядывался къ высокимъ лѣсамъ около дома.

— Что вы ищете? — спросилъ его спутникъ.

— Мнѣ показалось, — отвѣтилъ онъ, — что среди нѣмцевъ работаютъ Іосифъ съ Никодимомъ.

II.

Въ вольномъ городѣ Данцигѣ есть православное кладбище. Тамъ лежатъ русскіе воины, умершіе въ германскомъ плѣну во время Великой войны. А рядомъ съ ними эмиграція хоронитъ своихъ усопшихъ.

Русскій купецъ И. Г. Волковъ, памятуя православный заветъ «поминовения на полѣ брани животовъ свой положившихъ»,

воздвигъ въ храмѣ памятную доску изъ бѣлаго мрамора, а въ алтарь принесъ поминальную книгу съ именами погибшихъ, написанными отъ руки славянской вязью. И съ благословенія владыки митрополита Евлогія было положено:

— Въ первое воскресенье, слѣдующее за днемъ объявленія войны, совершать молитвенное служеніе на могилахъ.

И такъ творилось.

Въ этотъ день приходилъ на кладбище настоятель храма. Приходятъ пѣвчіе. Приходятъ молящіеся — вся русская колонія. Приходятъ съ вѣнками делегациа отъ разнаго рода объединеній русскихъ людей, а иногда и отъ нѣмцевъ.

И совершается православная панихида. И звучитъ подъ чужимъ небомъ родная молитва:

«Со святыми упокой»...

III.

Глубока и могуча въ русской душѣ устремленность къ благолѣпію. Создала она храмъ, ей хочется украсить его.

«Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный»...

И тому же И. Г. Волкову запала въ голову мысль украсить мѣсто вѣчнаго упокоенія памятникомъ.

Мысль эта захватила всѣхъ русскихъ людей, нашедшихъ пріютъ на землѣ вольнаго города. Единодушны были въ ней «и еллины и іудеи». Ибо и въ землѣ они лежали рядомъ, какъ рядомъ шли въ бой за Родину-Мать.

«Нельзя различать тѣхъ, кто соединенъ страданіемъ, подвигомъ и смертью» — оказалъ представитель мѣстной еврейской общины, въ отвѣтъ на чьи-то сомнѣнія,

не убрать ли изъ-подъ сѣни креста похороненныхъ тамъ евреевъ?

Надъ сооруженіемъ памятника трудились, на памятникъ давали всѣ, кто считалъ себя русскимъ. Тутъ какъ-то сами собой стерлись различія религіи и національности.

Изъ эмигрантской трудовой лепты выросъ прекрасный памятникъ. Его увѣнчивалъ крестъ, а подъ нимъ нашелъ свой пріютъ старый орелъ.

IV.

«Символь жертвенной любви къ человечеству сочетали мы здѣсь съ символомъ родины, за которую шли умирать», — сказалъ при освященіи памятника председатель комитета по его сооруженію, престарѣлый генераль, участникъ японской и Великой войны.

А подъ орломъ была вырѣзана надпись: «Россіянамъ, жертвамъ войны и изгнанія, вѣчная память».

И радовались всѣ: чувство гражданина великой Россіи удовлетворено сознаниемъ, что традиціонной разрозненности русской эмиграціи, наконецъ-то, противопоставлено дѣло, явившееся результатомъ устремленія къ единенію».

V.

Прошло два съ половиной мѣсяца. И вотъ какая замѣтка появилась въ польской прессѣ:

«По требованію большевиковъ данцигскія власти осквернили сооруженный недавно съ ихъ же разрѣшенія памятникъ. Они сняли прикрѣпленное къ нему изображеніе двуглаваго орла. Разбивъ его на куски, власти сложили эти куски въ мѣшокъ и отправили ихъ совѣтскому консулу. Уничтожены также слова о томъ, что памятникъ относится и къ русскимъ изгнанникамъ». («Экспрессъ Поранный» въ цитировкѣ газеты «За Свободу» отъ 12 декабря 1929 г.).

VI.

Мы были современниками А. Блока, великаго провидца нашихъ судебъ. Не одно ли изъ этихъ пророческихъ видѣній изрекъ онъ въ строкахъ:

Всюду бѣда и утрата.
Что тебя ждетъ впереди?
Ставь же свой парусъ косматый,
Мѣть свои крѣпкія латы
Знакомъ Креста на груди.
(«Роза и Крестъ»).

Въ нихъ судьбы нашей родины, въ нихъ наша судьба изгнанниковъ. Но въ нихъ же путь и завѣтъ преодоленія.

Крестъ на крѣпкихъ латахъ долженъ начертать тотъ, кто вступаетъ на крестный путь строительства православной культуры.

П. Прозоровъ.

Мы покрываемъ сборомъ помѣщеніе, лагеря, школы, сѣзды.

Протестъ Англійской общественности противъ религиозныхъ преслѣдованій въ СССР.

19-го декабря 1929 г. въ зданіи Альбертъ Холль въ Лондонѣ состоялся митингъ протеста противъ преслѣдованій религіи совѣтскимъ правительствомъ. Инициатива созыва принадлежала газетѣ «Морнингъ Постъ». Присутствовало нѣсколько тысячъ человекъ. Митингъ открытъ былъ молитвой за всѣхъ «угнетаемыхъ, мучимыхъ и гонимыхъ за вѣру» въ Россіи. Особая молитва принесена была за испосланіе Россіи вновь справедливости и свободы и за освобожденіе дѣтскихъ умовъ и душъ отъ оскверненія кощунственными, безнравственными и анти-религіозными ученіями. Послѣ молитвы многотысячное собраніе почтало минутой молчанія память мучениковъ за вѣру въ Россіи.

Предсѣдатель лордъ Глазгоу отмѣтилъ въ своемъ вступительномъ словѣ, что митингъ не преслѣдуетъ какихъ-либо политическихъ цѣлей, но является собраніемъ людей, для коихъ религіозное и нравственное сознаніе выше политики. Англійскій народъ всемірно извѣстенъ крѣпостью своихъ религіозныхъ убѣжденій, и потому вполне естественно, что въ англійскомъ народѣ раздаются голоса протеста противъ особенно усилившихся за послѣднее время религіозныхъ преслѣдованій со стороны совѣтскаго правительства. Надо надѣяться, что этотъ протестъ найдетъ откликъ въ другихъ странахъ и станетъ всеобщимъ. Русскій народъ — великій народъ, исповѣдовавшій христіанскіе идеалы на протяженіи тысячелѣтій. Исторія говоритъ намъ, что гоненія на вѣру въ прошломъ никогда не имѣли успѣха и лишь составляли ярче горѣть огонь вѣры. На крови мучениковъ создается Церковь.

Лордъ Brentfordъ говоритъ: — Мы не хотимъ вмѣшиваться въ дѣла внутренней политики страны, но наше право — сойтись здѣсь и подѣлиться нашими мыслями и чувствами, нашими тревогами и желаніями, а также принести молитву Богу, сознавая, что въ Немъ и только въ Немъ одномъ многострадальная Россія можетъ найти исцѣленіе отъ всѣхъ своихъ нынѣшнихъ невзгодъ.

Гоненіе на религію со стороны совѣтскаго правительства не есть недоразумѣніе, это совершенно продуманная система. Совѣтская власть открыто призываетъ къ борьбѣ противъ религіи и организуетъ «фронтъ для борьбы противъ Бога». И этотъ призывъ не есть бредъ людей, вырвавшихся изъ сумасшедшаго дома, а голосъ правителей государства и официальныхъ представителей власти.

Совѣтская власть видитъ, что ея система не совмѣстима ни съ какимъ религіозно-нравственнымъ сознаніемъ, и, не давая предпочтенія ни одной изъ религій, ведетъ борьбу противъ всѣхъ. Да услышитъ Богъ нашу молитву и да поможетъ русскому народу найти конецъ своимъ страданіямъ.

Прибывшій изъ Женевы предсѣдатель Международной Лиги борьбы съ Злѣмъ Интернаціоналомъ адвокатъ **Оберъ** нарисовалъ собранію картину положенія религіи въ СССР. Бухаринъ въ своей «Азбукѣ Коммунизма» прямо говоритъ: — «Религія и коммунизмъ не совмѣстимы ни теоретически ни практически». Того же мнѣнія держался и Ленинъ. Одного гоненія недостаточно, — создается культъ активнаго атеизма. Создаются кадры числомъ до

250.000 человекъ для пропаганды «безбожничества». Ведется усиленная печатная пропаганда. Распространено свыше 20 миллионъ экземпляровъ газеты «Безбожникъ» и 1.300.000 номеровъ журнала того же наименованія. Брошюръ и книгъ антирелигіознаго содержанія выпущено свыше 2.000.000 экземпляровъ. Ужасы Солдовковъ, тюремъ и подваловъ ГПУ извѣстны. Вѣрять въ Бога и открыто исповѣдовать вѣру въ Россіи — своего рода гегрѣйство. Большевики говорятъ сами: «Два міра борются и пробуютъ свои силы другъ противъ друга; активная борьба съ религіей не должна ограничиться Россіей, но должна быть распространена на весь міръ». Совѣтская система не знаетъ границъ, и ея разрушительныя задачи планируются въ міровомъ масштабѣ.

Предсѣдатель Христіанскаго Комитета Протеста, пребендарій **А. В. Гофъ**, отмѣчаетъ, что смыслъ собранія въ выраженіи сочувствія тѣмъ, кто страдаетъ потому только, что вѣрять въ Бога. Религіозныя гоненія въ Россіи являются прямымъ слѣдствіемъ совѣтской системы. Система эта не допускаетъ существованія наряду съ собой инакомыслящихъ. Система эта либо постоянно будетъ грозить всему остальному міру бѣдами и страданіями, переживаемыми русскимъ народомъ, либо должна исчезнуть. Чтобы уничтожить въ людяхъ человѣческой образъ, нѣтъ иного пути, кромѣ уничтоженія въ нихъ вѣры въ Бога. Возмутительнѣйшая реакція, каковою въ существѣ является большевизмъ, ставитъ своей миссіей полнѣйшій развалъ человѣческой жизни, изъятіе съ корнемъ всего того, что почитается «человѣческимъ». Люди должны быть обезличены и смѣшаны въ кучу. Они должны стать машиной. Свобода и проявленіе индивидуальности — все, что было радостью человечества на протяженіи вѣковъ, — должно быть сломлено, вырвано изъ человѣче-

ской жизни, и достичь всего этого нѣтъ возможности, если только въ сердцѣ человѣческомъ будетъ оставаться малѣйшая вѣроятность возвращенія къ вѣрѣ въ Бога. Еврейскій народъ сохранилъ себя въ годы египетскаго плѣненія своей вѣрой въ Бога, и за эту вѣру Богъ вывелъ его изъ рабства. Исторія даетъ намъ печальныя картины жизни тѣхъ народовъ, которые отступили отъ Бога. Но исторія человечества не знаетъ такого напряженія злыхъ силъ, какое теперь работаетъ въ Россіи, разрушая жизнь народа. Всѣ церкви, какъ и всѣ вѣрующіе въ Бога люди, должны объединиться, чтобы спасти міръ и цивилизацію. Слово Божіе не останется безсильнымъ.

Главный раввинъ г. Лондона докторъ **І. Х. Герцъ** сказалъ, что та душевная трагедія, которая заставила собраться здѣсь для протеста, не есть вопросъ только христіанскій или еврейскій, но вопросъ общечеловѣческой. Сегодня въ Россіи затапывается въ грязь сознаніе религіозной свободы и все святое, что можетъ быть въ душѣ человѣческой. Вѣрующіе евреи, лишенные синагогъ, бываютъ счастливы, когда для молитвы имъ удается собраться въ сараяхъ или конюшняхъ. Раввины подвергаются издѣвательствамъ, наравнѣ священнослужителями другихъ исповѣданій и преслѣдуются, какъ «контръ-революціонеры». За учителями и учениками установлена слѣжка шпионовъ, какъ во времена инквизиціи. Недавно въ Винницѣ въ Подоліи около 200 еврейскихъ дѣтей содержались въ тюрьмѣ около 2 недѣль за отказъ назвать имена и выдать мѣстопробываніе своихъ учителей. Мы надѣемся, что британское правительство сдѣлаетъ соотвѣтствующее представленіе по этому поводу. Выраженія мучительнаго недоумѣнія и нравственнаго негодованія всѣхъ друзей человечества, безъ намереній вмѣшиваться во внутреннія дѣла

русского народа, могут укрѣпить позицію тѣхъ, правда, немногочисленныхъ, государственныхъ людей въ Россіи, которые понимаютъ глупость воинствующаго атеизма.

Рѣчь доктора Герца пытались прервать выкриками на еврейскомъ языкѣ съ галереи; эти нарушители порядка (коммунисты), послѣ призыва къ порядку, по требованію публики были удалены изъ зала. Докторъ Герцъ къ этой обструкціи отнесся спокойно и съ улыбкой.

Лордъ Чарнвудъ говоритъ: — Есть люди въ Англии, которые находятъ успокоеніе въ мысли, что гоненія лишь случайное, привходящее явленіе революціи, и что при всей строгости установленныхъ правилъ и несмотря на всѣ препятствія, нѣкоторые христіане, какъ и евреи, могутъ собираться для молитвы. Но истинное религіозно-нравственное сознаніе не можетъ ограничиться одной молитвой, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва. Двѣ фразы совѣтскаго министра народнаго просвѣщенія говорятъ сами за себя: «Христіанство учить людей любви и состраданію, что претитъ нашимъ убѣжденіямъ», а потому — «долгой любовью къ ближнему».

Есть люди, которые не принадлежать къ той или иной церкви и религіи, но которые по своему исповѣдываютъ христіанскіе идеалы и своими путями ищутъ истину. Пусть эти люди также знаютъ, что исканіе истины и есть какъ разъ то, что не дозволяется въ Россіи. Своимъ сочувствіемъ и молитвой за тѣхъ русскихъ людей, кто страдаетъ за Бога и истину, мы воздаемъ лишь скромную дань нашей любви и благоговѣнія предъ ихъ страданіями.

Докторъ **I. X. Рашбрукъ** напоминаетъ собранію, что министръ иностранныхъ дѣлъ Гендерсонъ сдѣлалъ какъ-то заявленіе въ палатѣ общинъ о своей готовно-

сти сдѣлать надлежащее представленіе совѣтскому правительству по вопросу о гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ, какъ только будутъ возстановлены дипломатическія сношенія.. Докторъ Рашбрукъ былъ шесть разъ въ Россіи послѣ революціи и одно время склоненъ былъ думать, что положеніе нѣсколько улучшается. Но, увы, это впечатлѣне было ошибочно. Положеніе остается жуткимъ.

Единственная женщина-ораторъ, миссъ **Вѣра Беринджеръ** отмѣчаетъ, что женщина получила подобающее ея человѣческому достоинству мѣсто въ цивилизаціи исключительно благодаря христіанству, и только христіанство можетъ удержать за ней ея человѣческія права и достоинство. Враги христіанства, разлагающіе святость брака и материнства, — враги женщины. Дѣти, лишеныя семейной обстановки въ Россіи, превращены въ бездушныхъ и безсердечныхъ маленькихъ звѣрей. Но никакая нація не можетъ быть сокрушена, пока въ ней крѣпки семейные устои. Враги цивилизаціи стремятся развалить семью. Семья же принадлежитъ намъ, мы, женщины, создаемъ ее. Это наша твердыня. Рѣчь свою миссъ Беринджеръ закончила призывомъ помочь русской женщинѣ спасти себя и семью и въ семьѣ свою націю.

Майоръ сэръ **Арчибальдъ Бойдъ-Карпентеръ** коснулся совершенно неосновательнаго опасенія нѣкоторыхъ, что протестъ неумѣстенъ въ настоящей моментъ возстановленія дипломатическихъ сношеній съ совѣтской Россіей. Человѣческая память, очевидно, слишкомъ коротка, говоритъ ораторъ. Тридцать девять лѣтъ тому назадъ состоялся аналогичный митингъ протеста подъ предсѣдательствомъ лордъ-мэра въ Сити по поводу притѣсненій въ Россіи для еврейскаго исповѣданія. Тогда протестъ этотъ былъ поддержанъ архіепископомъ Кэнтерберійскимъ и

членами парламента и никто не считался съ какими-либо опасеніями. Если это было справедливо тогда, то почему не должно быть правильно теперь? Съ какихъ поръ мы утратили право на справедливое негодованіе?

Собраніе единогласно приняло резолюцію:

а. Что это собраніе, вѣрующихъ во Всемогущаго Бога горячо протестуетъ противъ постоянныхъ и жестокихъ гоненій въ Россіи и въ особенности противъ прекращенія преподаванія Закона Божьяго дѣтямъ, и призываетъ всѣхъ вѣрующихъ

въ Бога и любящихъ свободу во всемъ мірѣ молиться и неустанно работать для обезпеченія полной религіозной свободы народамъ Россіи;

б. Что необходимо настаивать передъ британскимъ правительствомъ о самомъ категорическомъ представленіи совѣтскому правительству, дабы покончить съ этими преслѣдованіями;

в. Что копія этого протеста должно препроводить главамъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ.

Русскій лондонецъ.

Два письма.

Любезному сыночку нашему, Ивану Алексеевичу. Посылаемъ мы наше почтение и слобовию низкій поклон и желаемъ вамъ от Бога въ делахъ вашихъ всякого благополучія и добраго здоровья. Извѣщаемъ васъ, что мы слава Богу живы и здоровы, того же и тебе желаю.

Дорогой сыночекъ, письмо ваше мы получили и спаси Васъ Господь за вашу память. Простите насъ дорогой сыночекъ, что мы ваше желаніе не можемъ выполнить. Гармошки у насъ очень дорогіе — 40 рублей, а у насъ и 40 копеекъ нетъ. Дом нашъ никто не покупаетъ.

Жить очень трудно. Помолись за насъ Богу сыночекъ, хотя какъ-нибудь про себя читай молитвы тихонько, чтобъ не выдали люди и не посмеялись надъ верой твоей. А когда садишься за обедъ или ужинъ, молись, никого не стесняйся и не бойся никого, кроме Бога. А кто не молится Богу за хлебъ за соль, за даръ божій и ложась спать, тотъ хуже пса и всякаго зверя. Песъ

за кусокъ аржаного и то служитъ хозяину, на морозе день и ночь, а мы едимъ до сыта и ни одинъ хлебъ, а еще кое-что получше.

Прости насъ дорогой нашъ сыночекъ, что мы тебя можетъ быть чемъ оскорбили. Молись хотя въ тайне ума, а если пойдешь на фронтъ, то читай 123 псаломъ, учи его наизусть, онъ сохранитъ тебя отъ пули. Выучи молитву «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и да бежатъ отъ лица Его ненавидящие Его». Выучи еще «живый въ помощи Вышняго» — псаломъ 90. Читай молитву: «Богородица диварадуйся, благодатная Марія Господь съ Тобою».

Это будетъ лучше гармоніи. Гармонь тебе ни дастъ здоровья и хлеба. И домой придешь, хлеба не будетъ. Вспомни, какъ мы стобую пасли свиней, но еще хуже этого будетъ, если ты не будешь молиться Богу. Эти люди, кто не молится Богу — хуже поганыхъ псовъ. Молись дорогой нашъ сыночекъ Иванъ пока не поздно, пока еще есть время. Пока досвиданья молись какъ не можно за насъ грешныхъ и недостойныхъ, а кто не молится Богу, тому лучше на светъ

не родится. Горе тебе дорогой мой сынок ты будешь трястися как осиновый лист и не будет тебе добра если не будешь молиться Богу и не будет у тебе здоровья и счастья и будешь всегда холодный и голый.

Пока досвидания остаемся живы и здоровы того и тебе желаем. Прости меня дорогой мой сынок может быть я что лишнего написала. Как ни можешь скорее пиши ответ.

Твоя мать Любовь.

2.

Здравствуйте дорогая мамаша.

Сообщаю Вам, что письмо ваше я получил. Оно написано по видимому не Вами, а каким-то не то монахом, не то попом, хотя я знал, что Вы можете написать такое письмо, судя по Вашему убеждению и суеверию. Вы пишете, что гармони купить не можете потому что нет денег. Сознаю, что когда послал Вам письмо в котором просил гармони я поступил необдуманно, не приняв во внимание Ваше ние за напрасное беспокойство. Дорогая мамаша, Вы пишете мне за бога, но Вы должны знать, что со дня октябрьских завоеваний в Красной Армии нет богомолителей. Если такие и бывают среди вновь прибывших, то их воспитывают и дают понять, что бог это ни что иное, как орудие в руках буржуев при помощи которого они запугивают таких как Вы, но меня вы богом не запугаете. Для меня и для всей Красной Армии бога нет и я служа второй год в армии, ребенком научился тому, чему Вас бог никогда не научит. Вы пишете, что бог не оставит никого голодного. Вы верите и молитесь, но почему же Вы ложитесь спать голодными и бог оставляет Вас без внимания. Я за Вас богу

молится не буду так как от этого пользы не будет ни Вам ни мне. Все свободное время я провожу за книгой, чтобы не быть таким темным каким был в деревне. Скажите от моего имени тому, кто писал письмо, что вести поповскую пропаганду в Красной Армии безнадежно, ибо у нас таких элементов нет и не будет, да и нет им здесь места. Вы уговариваете меня молиться богу, но я уже давно понял, что все это пустое. Вы пишете, что если будешь молиться богу, то будешь и здоров. Не верю я в эти пустяки. Здоровье укрепляет спорт, физическое развитие, физическое упражнение и культура, а совсем не бог и мое мнение, что от бога не доползешь и до поорга. Поэтому дорогая мамаша я вашего совета послушать не могу, я буду слушать своих командиров и буду заниматься спортом, от этого больше мне пользы будет. Вы в своем письме упоминаете о фронте. И в этом вопросе бог не причем. Мы войны не хотим. Но если на нас нападут, бог за нас воевать не станет, нам придется защищаться собственными руками и в этой борьбе одержит верх и спасется тот, кто учился военному и политическому делу, а не тот кто изучал молитвы и псалтырь. Поэтому дорогая мамаша мой совет: бросьте все эти предрассудки и не слушайте поповскую болтовню. У Вас есть наверно женотдел, походите туда и примите участие в его работе. Испытайте это на опыте и я уверен, что за мой совет позднее сама спасибо скажешь. А тому кто писал это письмо скажите, чтоб он больше таких писем не писал. Я Вас не виню и не осуждаю, ибо вы находитесь во власти темных людей, а их мы в скором времени выведем на чистую воду. Да здравствует просвещение и Р.К.К.А.

Ваш сын И. Холоденин.
(«Безбожник у станка», 1929, № 3).

Объ авторѣ письма «Безб. у ст.» сообщаетъ слѣдующія подробности:

«Осенью 1927 г. прибылъ съ пополненіемъ въ N полкъ изъ Самарской губ., Бузулукскаго района, 14-лѣтній мальчикъ, доброволецъ, сирота-бѣднякъ, тов. Холоденинъ. Съ 8 лѣтъ онъ пасъ скотину и, побуждаемый голодомъ, рѣшилъ пойти въ Красную армію добровольцемъ. Онъ былъ принятъ въ санчасть, какъ воспитанникъ, а въ апрѣлѣ 1928 г. вступилъ въ комсомолъ».

Мы допускаемъ подлинность этихъ писемъ и только моральной тупостью редак-

ціи объясняемъ ихъ появленіе на страницахъ органа безбожниковъ. Дѣйствительно, полуграмотное письмо матери для всякаго не предубѣжденного открываетъ такія сокровища сердца и моральной культуры, которыя еще болѣе подчеркиваются издѣвательской самоувѣренностью сына. Двѣ Россіи, какъ живыя, стоятъ другъ противъ друга. Но едва ли старой матери отвѣтить на дерзкіе, но искренніе вопросы сына. Отвѣтить придется намъ, когда мы станемъ лицомъ къ лицу съ новой Россіей. Не забывайте объ этомъ.

Ред.

Изъ Россіи пишутъ.

Со словъ одного епископа, имя котораго по понятнымъ причинамъ умалчивается, — проведеннаго около двухъ зимъ въ Хейской ссылкѣ, вмѣстѣ съ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола митрополитомъ Петромъ Крутицкимъ, сообщаю слѣдующее:

«Въ лѣтнее время (лѣто здѣсь очень короткое) на островѣ Хе (въ устьѣ р. Оби) мы жили, какъ на дачѣ, довольно сносно, собирали ягоды, рыбачили. Зато зимой, въ неприспособленныхъ самоѣдскихъ или остяцкихъ юртахъ, въ теченіе 9 мѣсяцевъ было невыносимо. Митрополитъ Петръ чувствуетъ себя бодро, духомъ не падаетъ и надѣется весною, по отбытіи срока наказанія, возвратиться въ Москву».

Изъ письма священника, высланнаго въ Туруханскій край:

«Живемъ вблизи Ледовитаго океана. Сегодня, 15 іюля, по ст. ст., но уже сильный холодъ. Тепла было немного, недѣли двѣ, но тутъ въ непроходимой тайгѣ житья нѣтъ отъ комаровъ. Жители здѣсь остяки, самоѣды, тунгусы. Занимаются рыбной ловлей и звѣроловствомъ. Хлѣба и огородныя овощи здѣсь расти не могутъ. Хлѣбъ доставляется лѣтомъ на пароходахъ по р. Енисею. Мы, ссыльные, тоже рыбачимъ. Я живу въ одной комнатѣ съ тоже высланнымъ татарскимъ муллою. Есть и русскіе поселенцы. Живутъ здѣсь давно и довольны. Дѣйствительно, гдѣ обживешься, привыкнешь и будто бы жить можно. Слава Богу, я прожилъ здѣсь два мѣсяца и нахожу, что жить можно. Тяжело, что не могу служить, да о семьѣ скучаю. Но Богъ не безъ милости»...

Мы снова зовемъ

Финансовая кампанія 2-9 февраля 1930 г.

Трудно и горько наше время, и часто мучительны испытанія, которыя ложатся бременемъ на русскую эмиграцію, — но и въ эти трудные дни мы снова обращаемся къ русскому обществу съ призывомъ помочь нашему Движенію и поддержать насъ матеріально. По какому праву дѣлаемъ мы это, что даетъ намъ силу просить русское общество о поддержкѣ? — Только то, что насъ наполняетъ тревога за русскую молодежь здѣсь, въ эмиграціи, за ея духовное здоровье, за ея силы. Легко обвинять нашу молодежь, гораздо важнѣе ей помочь, укрѣпить и углубить ея связь съ родиной, воодушевить ее. Путь ея такъ тяжелъ, такъ безрадостенъ, она такъ одинока, и не можемъ мы снять съ себя отвѣтственности за ея будущее. Мы знаемъ о различныхъ вопіющихъ нуждахъ нашего времени, знаемъ, что нужно помочь больнымъ, укрѣпить дѣтей, охранить наши школы, но среди этого важнаго самое важное **укрѣпить духъ**, охранить и углубить наше духовное сопротивление всему, что хочетъ развѣять и ослабить нашу вѣру, нашу связь съ родиной. Путь

нашего Движенія есть путь собиранія русской молодежи и дѣтей вокругъ священныхъ идей Церкви и родины, путь укрѣпленія въ молодежи и дѣтяхъ ихъ духовной силы. Какъ ни печальны внѣшнія условія нашей жизни, но пока не ослабѣлъ въ насъ духъ, пока крѣпка въ насъ связь съ источникомъ силы и правды — съ Церковью, мы еще сильны, мы держимся. Мы всецѣло, поддерживаемъ всякія иныя начинанія, диктуемая общественной совестью, но стоимъ передъ русскимъ обществомъ въ глубокомъ убѣжденіи о первостепенной важности нашего дѣла и открыто просимъ поддержать насъ. А членовъ нашего Движенія, сознающихъ всю его великую и отвѣтственную работу, я зову наперечъ свои силы и помочь Движенію собрать средства, необходимыя для продолженія и укрѣпленія работы.

Предсѣдатель Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за рубежомъ

Проф. В. В. Зѣньковскій.

Задачи зарубежья — сохранить русское лицо молодежи.

Почтовый ящикъ.

1.

С. С. Положенскій пишетъ намъ новое письмо по поводу разногласій его съ проф. С. С. Безобразовымъ въ толкованіи притчи о «неправедномъ домоправителѣ». С. Положенскій настаиваетъ на своемъ толкованіи, какъ устраивающаю соблазнительный характеръ притчи, признавая въ то же время его гипотетичность. По его словамъ, толкованіе это принадлежитъ Харьковскому профессору протоіерею Т. І. Буткевичу, и не мыслится имъ, какъ

«общеобязательное»; онъ желаетъ лишь, чтобы оно стало «общепринятымъ». Такъ какъ обѣ стороны высказались съ достаточной ясностью, а письмо С. Положенскаго не приводитъ новыхъ аргументовъ, то въ виду его большихъ размѣровъ, редакция, къ сожалѣнію, вынуждена отказать отъ его печатанія. Мы не считаемъ, что вопросъ безспоренъ, но матеріалъ, собранный обѣими сторонами, можетъ помочь каждому составить свое мнѣніе въ спорномъ вопросѣ.

2.

П. Калининъ въ частномъ письмѣ дѣлаетъ замѣчаніе, очевидно, по поводу Резолюцій осенняго съѣзда. «Считаете ли Вы правильнымъ принятіе тезиса «строительство православной культуры?». По моему, перефразировано. Достаточно было бы на первый разъ ограничиться, какъ я предлагалъ, раскрытіемъ. О какомъ строительствѣ можетъ сейчасъ идти рѣчь? И что вообще понимаютъ люди подъ «строительствомъ»? Думаю, что понятіе это для самихъ, принявшихъ тезисъ, далеко не ясно, иначе они не формулировали бы его словомъ «построение», которое въ инженерномъ дѣлѣ относится только къ «проектировкѣ» на бумагѣ или въ мысли. То же и въ жизни, когда собирается на «построение храма», — здѣсь большой элементъ проектированія. Не думаю, однако, что Движеніе собирается заняться проектированіемъ, это было бы странно».

Мы отстаиваемъ терминъ «строительство», и вотъ почему. Раскрывается иѣчто вѣчное. Божественное или изначально сущее — строится человеческое, мѣняющееся, историческое. Вѣчна истина — христіанская, православная. Она лишь раскрывается въ догматическомъ познаніи Церкви и въ работѣ богословской мысли. Но культура — не вѣчное, а относительное. Она — иная въ каждую историческую эпоху, хотя можетъ строиться на вѣчномъ, неизблемомъ камнѣ вѣры. Возможны — и исторически смѣняли другъ друга — разные типы православныхъ культуръ: древняя греко-римская, латинская, византійская, рядъ восточныхъ, русская и славянскія. Наше время требуетъ не реставраціи какой-либо изъ древнихъ православныхъ культуръ: московской или византійской, а построения чего-то еще не бывалаго, гдѣ на основѣ вѣчной правды Христовой нашли бы свое мѣсто и лучшія традиціи древней Руси, и все, что есть цѣннаго въ общечеловѣческой, т. е. западной культурѣ. Это дѣйствительно проектъ, но проектъ поставленный не Р. С. Х. Движеніемъ, а русской православной мыслью XIX вѣка.

3.

«Очень интересна статья іеромонаха о Льва «Христосъ — моя жизнь» (въ декабрьскомъ № «Вѣстника»), въ которой онъ прячѣ и рѣшительно, вопреки «традиционному богословію», говоритъ объ отмѣнѣ для христіанина всего ветхозавѣтнаго закона, не исключая и закона заповѣдей (десятословія). Кому приходилось вести бесѣды съ «жидовствующими»

сектантами или адвентистами 7 дня, тотъ знаетъ, что недоговоренность нашего богословія о томъ, что изъ ветхозавѣтнаго ученія для насъ обязательно и что нѣтъ, весьма ослабляетъ наши позиціи. Адвентисты 7 дня, учащіе о необходимости для христіанъ соблюденія субботы, этой недоговоренностью очень хорошо пользуются: «Въ православномъ катехизисѣ ученіе о праздникахъ начинается изложеніемъ 4-ой заповѣди о субботѣ, а затѣмъ дѣлается необоснованный переходъ къ воскресенію. Кто далъ православнымъ право измѣнять заповѣди? Или отвергайте всѣ заповѣди или не измѣняйте ни одной».

Вопреки богословію, говорящему объ отмѣнѣ только обрядоваго, прообразовательнаго ветхозавѣтнаго закона и объ оставленіи въ силѣ закона нравственнаго, изложеннаго въ 10 заповѣдяхъ, миссіонерамъ приходится, подобно о. Льву, прямо заявлять о необязательности для христіанъ всего ветхозавѣтнаго закона, не исключая и 10 заповѣдей. Доказательства: постановленіе апостольскаго собора: «Угодно Духу Св. и намъ не возлагать на васъ никакого бремени, кромѣ сего необходимаго: воздерживаться отъ идоложертвеннаго, и крови, и удушенныя, и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего не хотите себѣ. Соблюдая сіе, хорошо сдѣлаете». Дѣян. XV 28. И ни слова больше.

Объ отмѣнѣ закона заповѣдей хорошо говоритъ ап. Павелъ: «Христосъ упразднилъ вражду плотью и законъ заповѣдей ученіемъ (о любви)». Еф. II, 15. «Служеніе смертоноснымъ буквамъ» ап. Павелъ называетъ «преходящимъ» въ отличіе отъ служенія «пребывающаго», т. е., новозавѣтнаго. 2 Кор. III, 6-17. Въ посланіи къ Римл. UP, 6-8 и далѣе, апостоль прямо говоритъ объ отмѣнѣ заповѣдей: «но нынѣ умерши для закона, которымъ мы были связаны, мы освободились отъ него, чтобы служить Богу въ обновленномъ духѣ, а не по ветхой буквѣ».

Что здѣсь говорится именно объ освобожденіи отъ закона 10 заповѣдей, видно изъ стиха 7: «я не понималъ бы и пожеланія, если бы законъ не говорилъ: «не пожелай» — слово изъ десятой заповѣди».

«Законъ положенъ не для праведниковъ, но для беззаконныхъ и непокоривыхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ, развратныхъ и оскверненныхъ, для оскорбителей отца и матери, для человекоубійць, для блудниковъ, мужеложниковъ, человекохищниковъ, клеветниковъ, скотоложниковъ, лжецовъ, клятвеннопре-

ступниковъ, и для всего, что противно здравому ученію». 1 Тим. 1, 9-10. Взамѣнъ 10 заповѣдей В. З. мы имѣемъ двѣ заповѣди Христа: «Люби Бога и ближняго».

Желательно было бы, чтобы о. Левъ обосновалъ свою статью подробнѣе текстами священнаго Писанія».

Свящ. Г. Шорець.

Статья о. Шореца ставитъ очень важную и трудную проблему: о значеніи ветхозавѣтнаго закона въ христіанствѣ. Мы не думаемъ, чтобы вопросъ рѣшался окончательно приведенными аргументами. Надѣмся, что «Вѣстникъ» сможетъ вернуться къ этой вѣчно живой темѣ.

Г. Ф.

ИЗЪ ЖИЗНИ ДВИЖЕНІЯ.

Въ послѣднее полугодіе Движеніе, особенно въ Парижѣ, живетъ подѣ сильнымъ впечатлѣніемъ извѣстій о безумной и жестокой борьбѣ, которая ведется противъ христіанства въ Россіи. Въ движенческихъ кружкахъ, семинарахъ, и въ содружествѣ все сильнѣе раздаются голоса съ призывомъ къ большей активности въ стремленіи къ тѣмъ цѣлямъ, которыя ставитъ себѣ Движеніе.

Въ предыдущіе годы своего зарубежнаго существованія Движеніе отличалось большой неопредѣленностью въ составѣ своихъ членовъ. Это очень затрудняло работу, такъ какъ невозможно было сказать, на кого собственно опирается Движеніе и какими силами оно располагаетъ. Послѣдній годовой съѣздъ постановилъ обратиться ко всѣмъ членамъ нашихъ кружковъ съ опредѣленнымъ вопросомъ: раздѣляютъ ли они основныя задачи Движенія и готовы ли къ активной работѣ? «Да» или «нѣтъ»? Во многихъ мѣстныхъ объединеніяхъ и кружкахъ этотъ вопросъ вызвалъ большія волненія, огорченія и даже раздѣленіе. Многимъ казалось, что такая опредѣленность совершенно не нужна, и что достаточно быть просто «сочувствующимъ». Другіе же утверждали, что безъ твердаго «да» или «нѣтъ», вообще невозможно начинать какое-либо серьезное, жизненное дѣло. А въ настоящее

время, когда въ Россіи разливается небывалая черная волна организованнаго безбожія, а за рубежомъ преобладаетъ засасывающая трясина безразличія, совершенно необходимо, чтобы тѣ изъ насъ, кто стали подѣ стягъ борьбы за вѣру Христову — были тверды, отвѣтственны и опредѣленны въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ.

Въ результагъ ясной постановки вопроса, многіе отошли отъ Движенія; зато 400 чело-вѣкъ выразили свое опредѣленное желаніе быть дѣйствительными членами. Нѣкоторые считали необходимымъ сдѣлать, свое заявленіе письменно, напримѣръ, въ такой формѣ: «Вполнѣ раздѣляя идеологию Р. С. Х. Движенія и считая его работу необходимой не только для Россіи, но и для всего міра, прошу принять меня въ дѣйствительные члены». Другіе ограничились устными заявленіями о своей солидарности съ Движеніемъ.

Всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ изъ Центра высланы соотвѣтствующія членскія карточки.

Кромѣ проведенія дѣйствительнаго членства, всюду за это полугодіе проведена реорганизация мѣстныхъ дѣловыхъ комитетовъ. Въ большинствѣ мѣстъ она прошла удачно. Исключеніе составляютъ Берлинъ и отчасти Прага, гдѣ дѣловые комитеты еще не окончательно оформились.

Во внутренней жизни Движенія слѣдуетъ отмѣтить активную работу вновь организованнаго Содружества при церкви Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, улучшение работы студенческихъ кружковъ, развитіе клубной жизни, расширеніе кружковъ мальчиковъ и дѣвочекъ (особенно въ Парижѣ).

Одно время казалось, что «студенческая работа» въ Движеніи замираетъ; студенты мало интересуются идеями Движенія, и дѣятели Движенія не умѣютъ подходить къ студенчеству. Въ этомъ полугодіи произошли перемѣны къ лучшему. Въ Софій Л. Д. Тарановскимъ организованы три студенческихъ кружка, въ Брно очень успѣшно ведутъ свою работу четыре студенческихъ кружка въ Па-

рижѣ, кромѣ старыхъ, функционируютъ два новыхъ студенческихъ кружка и т. д. Но главная масса студенчества привлекается Движеніемъ черезъ **культурно-просвѣтительные клубы**. Студенческій клубъ въ Парижѣ пользуется огромнымъ успѣхомъ и очень охотно посѣщается молодежью. Разъ въ недѣлю клубъ устраиваетъ религиозно-философскіе и религиозно-общественные диспуты, которые обычно проходятъ очень оживленно. Въ послѣднихъ собраніяхъ обсуждались такія темы: «Иллюзіи матеріалистическаго міросозерцанія» (докладчикъ проф. Ильинъ и контр-докладчикъ Я. Л. Делевскій), «О самоубійствѣ» (докл. Яблоновскій) «Единое на потребу» (докл. Г. С. Сѣриковъ) и т. д.

Студенческій клубъ посѣщаютъ и рабочіе, вообще связь съ рабочими въ этомъ году въ Движеніи гораздо сильнѣе.

Наряду со студенческимъ клубомъ, въ Парижѣ продолжается работа **юношескаго клуба** и руководящаго имъ **юношескаго содружества**.

Юношеское содружество имѣетъ очень широкую и смѣлую программу своей дѣятельности. Въ самомъ составѣ оно имѣетъ три кружка, которыми руководятъ отчасти сами молодые содружники, отчасти старшіе руководители (В. В. Зѣньковскій, И. А. Лаговскій, А. С. Четверикова, С. М. Зернова). Содружество начало издавать стѣнную газету, которая ведется очень живо, интересно и искренне. Газета дѣйствительно отражаетъ внутренній обликъ молодой организациі. Нѣкоторыя краткія замѣтки очень характерны. Одинъ содружникъ пишетъ: «Ихъ было трое. Одинъ въ блестящемъ смокингѣ произносилъ на собраніяхъ рѣчи о злѣ войны. Въ то же время другой, затянутый въ грубый мундиръ, защищалъ среди страданій и ужасовъ общую всѣмъ троицѣ родину. Между тѣмъ третій, оборванный и нищій, вдали отъ суеты молился за міръ, отъ благъ котораго отрекся. Кому намъ подражать?».

Стѣнной газетой въ настоящее время про-

водится чрезвычайно интересная анкета объ интересахъ, взглядахъ и вѣрованіяхъ содружниковъ. Объ этомъ мы постараемся рассказать подробнѣе въ другой разъ.

Жизнь показываетъ, что клубъ имѣетъ огромное значеніе для сплоченія молодежи и для пробужденія въ ней религиозныхъ интересовъ. Несомнѣнно, мы должны выработать правильный типъ движенческихъ клубовъ, какъ мощное средство для борьбы съ комсомоломъ въ Россіи. Движеніе считается съ опасностью широкимъ развитіемъ клубовъ «обмѣрщить» нашу работу, но въ то же время умѣлое руководство клубами можетъ принести большую пользу главному нашему дѣлу.

Очень хорошо развивается работа съ дѣвочками. Въ Бельгіи, послѣ поѣздки туда Анны Фед. Шумкиной, организовалось 5 новыхъ дѣвичьихъ кружковъ. Въ Парижѣ оформилась организациія дѣвочекъ, которая приняла имя «дѣвичья дружина». Дружина принимаетъ въ свой составъ старшихъ дѣвочекъ, уже поработавшихъ нѣкоторое время въ кружкахъ. Для вступленія требуется **церковное обѣщаніе** на вѣрность христіанскимъ и національнымъ идеямъ Дружины.

Въ Парижской работѣ мальчиковъ необходимо отмѣтить только что закончившуюся **конференцію (школу) старшихъ мальчиковъ, руководителей кружковъ**. Конференція продолжалась три дня, участвовали 17 руководителей. Читали доклады о С. Четвериковѣ, проф. В. В. Зѣньковскій, проф. Г. П. Федотовъ, о Л. Липеровскій, Н. Ф. Федоровъ.

Центральный секретариатъ организовалъ въ этомъ полугодіи рядъ лекторскихъ поѣздокъ. **Проф. В. Зѣньковскій** посѣтилъ Чехословакію и Бельгію; **о. Л. Липеровскій** — Лондонъ, Берлинъ, Дрезденъ, Прагу, Брно и Братиславу; **И. А. Лаговскій** — Берлинъ, Ригу, Юрьевъ, Рѣжицу, Двинскъ, Ревель, Нарву; **Е. Ю. Скобцова** — Ліонъ, Ниццу, Марсель, Тулузу, Монпелье; **А. Ф. Шумкина** — Брюссель, и Льежъ. Во всѣхъ этихъ поѣздкахъ были

затронуты новые слои эмиграции, во Франції, главнымъ образомъ, рабочей.

Въ Прибалтикѣ — въ Рѣжицѣ — состоялся (3-5 января) организованный мѣстнымъ Движеніемъ грехдневный религиозно - педагогическій съѣздъ. На съѣздѣ собралось 45 представителей отъ латвійскихъ и эстонскихъ кружковъ. Огромную помощь съѣзду оказали о. Евстратій Рушановъ и директоръ мѣстной гимназіи И. П. Тутышкинъ. Съѣздъ прошелъ съ большимъ духовнымъ подъемомъ. Подробный отчетъ еще не полученъ.

Несмотря на большую активность работы Движенія въ послѣднемъ полугодіи, все же нельзя быть вполне удовлетвореннымъ этой работой. Большинство рядовыхъ членовъ все еще не достаточно активны. Прислушиваясь къ голосамъ, идущимъ изъ Россіи, мы всѣ, какъ одинъ человекъ, должны дать слово быть строителями новой христіанской культуры, и дѣлать здѣсь, за рубежомъ, для православной Церкви то дѣло, котораго мы не смогли бы сдѣлать, живя подъ коммунистическимъ игомъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА

Кружокъ преп. Сергія Радонежскаго продолжаетъ регулярно собираться каждую пятницу. Читаемъ Евангеліе отъ Луки, бываютъ и отдѣльные доклады. Вступило 6 новыхъ членовъ (отъ 17 - 19 лѣтъ). Сейчасъ всего насчитывается 22 человекъ. О. Николай (Бэръ), всегда бываетъ на собраніяхъ и очень намъ помогаетъ. Недавно къ намъ въ Лондонъ пріѣхалъ о. Левъ Липеровскій. Онъ былъ въ кружкѣ, служилъ въ церкви, говорилъ на собраніи Содружества и на открытомъ собраніи для русской колоніи о Р. С. Х. Д.

Центръ насъ рѣдко балуетъ, и это было большой радостью. Организуется болѣе тѣсный кружокъ старыхъ членовъ, въ который входятъ и три члена Содружества. Объ этомъ

кружкѣ сообщу болѣе подробно въ слѣдующій разъ.

Англо - русскій кружокъ продолжаетъ свою работу. Годъ начался двумя докладами: о. Николая — «О церковномъ преданіи», о. Ривса «О современномъ подходѣ къ священному Писанію у англиканъ». Теперь кружокъ приступилъ къ разбору притчъ о Царствіи Божіемъ (мы пользуемся конспектами семинара о. С. Булгакова).

БИБЛІОГРАФІЯ

Православная миссія на Словенску (въ Чехославакии) выпустила «Православный Русскій Календарь» на 1930-й годъ (6-й годъ изданія). Обращаемъ вниманіе читателей на это очень интересное и полезное изданіе. Календарь заключаетъ въ себѣ: общія календарныя свѣдѣнія, указаніе постовъ, мясоѣдовъ, дней поминанія, дней, когда не совершаются браки и т. п.; подробный мѣсяцесловъ всего года; типиконъ или уставъ церковнаго богослуженія на 1930-й годъ (отдѣлъ очень важный не только для священнослужителей, но и для всѣхъ, изучающихъ православное богослуженіе); статью о томъ, что нужно знать православному мірянину, псаломщику и священнику при совершеніи семи церковныхъ таинствъ и главнѣйшихъ церковныхъ обрядовъ, современное положеніе православныхъ на Карпатской Руси; Червоная Русь; Служба Святому Вячеславу, князю Чешскому (къ 1000-лѣтнему юбилею его мученической кончины); древне-русское житіе Св. Вячеслава; древне-русское житіе Св. Людмилы, княгини Чешской; изъ исторіи возстановленія Православной вѣры въ южно-карпатской Руси; о дѣятельности православной миссіи на Словенску за послѣдніе пять лѣтъ.

Всѣ, кто интересуется Подкарпатской Русью и исторіей Православія въ этомъ краю, найдутъ въ этихъ статьяхъ интересныя свѣдѣнія.

Календарь можно выписывать по адресу: А. Vitalij. Lodomirova na Slovensku. Tchechoslovaquie или же отъ В. А. Лаврова: 10, Bd Montparnasse, Paris (15).

Стоимость календаря не указана.

Пр. С. Ч.

О національномъ воспитаніи.

III.

Національное чувство не только неразрывно связано со всей духовной жизнью въ насъ, не только является ея проявленіемъ, но оно не можетъ надлежаще развиваться внѣ общаго развитія духовной жизни. Этого факта часто не замѣчаютъ только потому, что и въ тѣхъ его проявленіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто независимо отъ духовной жизни, оно такъ богато и творчески вліятельно, что о большемъ какъ бы нечего и мечтать. Между тѣмъ, творческая сила и внутреннее богатство національнаго чувства неизмѣримо больше и глубже, чѣмъ обычно мы даемъ ему просторъ. Это особенно хорошо видно на русской молодежи въ эмиграціи. Конечно, есть иногда нотки болѣзненнаго преувеличенія, порой даже истерическаго напряженія въ любви къ Россіи, въ томленіи о ней и тоскѣ бездомности, но за вычетомъ этого нельзя не ощущать и у дѣтей и у подростковъ и у болѣе старшаго поколѣнія такую горячую, такую сильную и дѣйственную любовь къ Россіи! Въ этой любви чувствуется и сила и сосредоточенность воли, яркая окрашенность этимъ чувствомъ многихъ и многихъ движеній души, но еще больше чувствуется какая то удивительная **безграничность, безмѣрность** чувства. Оно не знаетъ предѣла, оно восходитъ къ тѣмъ движеніямъ души, которыя даютъ душѣ живое соприкосновеніе съ вѣчностью — живая творческая безконечность открывается намъ въ этомъ чувствѣ. Эта духовная глубина и содержательность чувства родины не исключительно присуща намъ: ее можно встрѣтить и у другихъ народовъ, только у насъ нынѣ прямѣе и дѣйственнѣе эта особенность чувства родины.

Есть удивительная аналогія между чувст-

вомъ родины и привязанностью къ семьѣ. Черезъ семейныя привязанности дитя впервые глядитъ на весь міръ и въ свѣтѣ любви къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ уразумѣваетъ самое глубокое въ мірѣ. Въ развитіи религіознаго чувства, въ одухотвореніи природы, въ развитіи социальныхъ движеній — играетъ огромную роль чувство къ семьѣ у дѣтей. Но и чувство родины, какъ реальный и живой ростокъ въ насъ связи съ родиной, таитъ въ себѣ огромное и безконечное содержаніе, — оно является живымъ и конкретнымъ проявленіемъ такихъ силъ души, которыя внѣ этого едва ли могутъ раскрыться. Поэтому, духовная жизнь въ насъ становится гораздо богаче, плодотворнѣе и глубже, когда она связана съ определеннымъ національнымъ чувствомъ, которое согрѣваетъ своимъ тепломъ весь духовный міръ. Внѣ этого, наша духовная жизнь стоитъ передъ опасностью приобрести черты нѣкоторой оторванности отъ жизни и реальности, стать отвлеченной и мечтательной. Кстати сказать, лишь на почвѣ православнаго христіанства надлежаще и глубоко выявляется религіозная цѣнность національнаго чувства: католицизмъ смотритъ на національное чувство, какъ на естественное, но и бесплодное движеніе (недаромъ въ языкѣ богослуженія отвергается языкъ народа и принять мертвый латинскій языкъ), а у протестантовъ нѣтъ данныхъ для освященія національной стихіи. Именно намъ православнымъ дано понять фактическую связность національнаго чувства со всей глубиной духовной жизни и дано намъ искать **освященія** національной стихіи. Это освященіе не есть одно лишь внѣшнее благословеніе родины и молитвы за нее, оно состоитъ во внутреннемъ просвѣтленіи и преображеніи того, что дано намъ въ естественномъ чувствѣ родины. Чув-

ство родины намъ дано, но въ немъ есть и нѣкое священное заданіе, оно есть даръ, могущій принести огромные плоды, — оно послано намъ отъ Бога. Когда вспомнишь о томъ, что образованіе національностей есть продуктъ исторіи и притомъ преимущественно новой, тогда особенно дорогъ и многоцѣненъ кажется весь комплексъ чувствъ, связывающихъ насъ съ родиной — и тѣмъ важнѣе задача понять духовный смыслъ и духовную функцію чувства родины. Любя родину, мы уже живемъ большою духовною жизнью, — но вѣдь это только вступленіе, только призывъ къ тому, чтобы дальше и дальше идти по тому пути, на который зоветъ и который открываетъ намъ чувство родины. И чѣмъ шире становится душа, чѣмъ полнѣе и богаче разветвляется ея жизнь, тѣмъ глубже и чувство родины-матери, тѣмъ дальше зоветъ оно. Великая сила, но и великая радость намъ дана въ чувствѣ родины, великое утѣшеніе въ томъ, что родина наша мать, всегда открывающая намъ полноту своей любви. Принадлежность наша къ великому русскому народу, сознание, что мы дѣти этого великаго народа согрѣваетъ душу въ дни самыхъ горькихъ и мучительныхъ испытаний...

Удивительная особенность нашего русскаго пути въ эмиграціи заключается въ томъ, что намъ собственно не нужно заботиться о пробужденіи чувства родины: оно есть у всѣхъ. Не говорю уже о тѣхъ, кто все время жилъ въ русской средѣ и рано осозналъ свою любовь къ Россіи, — но даже тѣ, кто офранцузился, онѣмечился и т. д., когда они попадаютъ въ русскую среду, прикасаются къ русскому искусству, особенно къ русской пѣснѣ, къ русскому театру — словно просыпаются отъ тяжелаго сна и отдаются «русской стихіи» — съ такой глубокой, неподдѣльной страстью. Какъ бы даромъ, безъ особыхъ усилій дается эта любовь къ Россіи — и кто имѣлъ случай видѣть, какъ просыпается въ дѣтской или юной душѣ чувство родины, какъ разгорается оно яркимъ пламенемъ, не можетъ не ощущать того, что въ сердцахъ, даже уснувшихъ въ національномъ своемъ чувствѣ, дѣтей, лежитъ огромная сила, какъ бы ждущая своего пробужденія. Есть много и другихъ случаевъ, когда не дается это пробужденіе, — но почти всегда, гдѣ я имѣлъ возможность лично наблюдать это, я видѣлъ, что дѣлали ошибку, отождествляя національное чувст-

вомъ съ возможностью владѣть роднымъ языкомъ. Но я уже упоминалъ объ ошибочности такого отождествленія — «русскость» глубже, полнѣе и содержательнѣе одного только родного языка.

Но если не такъ велика проблема пробужденія національнаго чувства, то наоборотъ чрезвычайно трудна задача углубленія его. Прежде всего приходится отмѣтить нѣкоторое сопротивленіе въ этой работѣ углубленія со стороны самого національнаго чувства — оно какъ бы не хочетъ его, словно боится растерять при этомъ что то существенное. Максимальное расширеніе, на которое идетъ безъ усилій чувство родины, есть связываніе его съ моральнымъ міромъ, то оформленіе національнаго эроса идеей служенія родинѣ, о которомъ мы говорили въ предыдущей статьѣ.

Прекрасный и цѣнный примѣръ такого углубленія національнаго чувства имѣемъ мы въ чешскомъ сокольствѣ. За долгіе годы политическаго угнетенія сокольство смогло воспитать въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ не только крѣпкое и глубокое національное чувство, но и создать высоко моральный и жизненно творческій типъ. Но какъ разъ именно судьба сокольства кажется мнѣ убѣдительно «естественнымъ экспериментомъ», говорящимъ о непрочности и неустойчивости того типа національнаго воспитанія, который нашелъ свое выраженіе въ сокольствѣ. Пока длилось политическое угнетеніе Чехіи, сила національнаго горѣнія естественно была велика, а моральный строй, присущій сокольству, легко и просто связывался съ огнемъ чувства. Но вотъ пришло освобожденіе Чехіи, — и въ сокольствѣ обнаруживаются различныя трещины. Трудно еще окончательно судить объ этомъ, такъ какъ лишь недавно измѣнилась политическая обстановка, такъ много еще соколовъ, сложившихъ духовно до освобожденія Чехіи, такъ близки воспоминанія о пережитомъ. Но при режимѣ свободы — чѣмъ можетъ поддерживаться энтузіазмъ и горѣніе національнаго чувства? Оно навсегда останется яркимъ и даже плодотворнымъ, но то, что было присуще раньше сокольству, что составляло сокровенную его силу, какъ бы теряетъ свой питательный источникъ, растворяется и гложнетъ. Отчего? Трудно сказать, какъ трудно сейчасъ дать объективныя доказательства внутренняго вывѣтриванія сокольства, — я сознаю, что при наличности различныхъ тревожныхъ

симптомовъ нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для обобщенія. Я дѣлаю, однако, эти обобщенія потому, что уже сейчасъ ощущаю внутреннее вывѣтриваніе въ сокольствѣ, какъ бы ни были малы пока его размѣры. Та сила и творческая напряженность, которая раньше превращала сокольство въ нѣкій религиозный орденъ, собиравшійся вокругъ дорогихъ ему овятинъ, потому и слабѣетъ, что религиозный ореоль, естественно выросавшій изъ жертвеннаго отданія себя родинѣ, не можетъ уже быть прежнимъ, разъ исчезаетъ потребность **жертвеннаго** служенія родинѣ.

Жертвенность можетъ вызываться чувствами и идеями разнаго порядка, но свой внутренней смыслъ и настоящіе свои корни жертвенность получаетъ лишь **въ религиозной сферѣ**. И если національное чувство у русской молодежи тоже ищетъ и нерѣдко имѣетъ жертвенный характеръ, то надо имѣть въ виду то, что безмѣрные страданія Россіи волнуютъ и юную и зрѣлую душу такъ, что всѣ готовы отдать свои силы и самую жизнь за Россію. Непосредственная императивность, нынѣ присущая національному чувству и вносящая въ него элементъ жертвенности, имѣетъ свои источники именно въ страданіяхъ Россіи. Но если на это полагаться и дальше, то задача національнаго воспитанія исчерпывалась бы только тѣмъ, чтобы пробудить самое чувство родины, а дальше основной мотивъ жертвенности развивался бы самъ собой. Но это не такъ — изъ горькаго нашего плѣна мы должны вынести достойный плолъ не только для тѣхъ дней, когда Россія будетъ свободна, но и для **сегодняшняго дня**. Жертвенность должна быть не настроеніемъ, не порывомъ, а нѣкоей чертой характера, внутренне связанной съ жизнью души. Между тѣмъ и сейчасъ есть симптомы того, что жертвенное настроеніе, естественно рождающееся у молодежи, ищетъ поспѣшнаго и торопливаго своего приложенія, какъ бы убѣгаетъ отъ того, чтобы болѣе глубоко войти въ духовный строй личности. Какъ разъ у мальчиковъ и юношей нашихъ дней очень часто можно встрѣтить потребность въ *action directe*, въ непосредственномъ «активизмѣ». Но при нераскрытости юной души вообще эта потребность активизма либо должна немедленно перейти въ какое то «дѣйствіе», либо она **совсѣмъ пропадаетъ**, ибо нѣтъ еще выдержки, нѣтъ умѣнія превращать жертвенный порывъ въ задачу для

всей жизни. Я не хочу сказать, что нужно подавлять это настроеніе активизма, но думаю, что его нужно углублять, связывая его не съ однимъ лишь порывомъ, но съ задачей жизни вообще. Современные русскіе политики вѣроятно, возмутятся такимъ предложеніемъ переводить «живую силу» юношескаго энтузіазма въ нѣкоторую длительную черту жертвенности, — они можетъ быть и правы съ точки зрѣнія «момента» и использованія живыхъ силъ для борьбы за Россію. Но кто умѣетъ глядѣть впередъ, тотъ не станетъ ни на сторону абстрактнаго національнаго воспитанія, лишеннаго непосредственнаго отношенія къ трагедіи Россіи, ни на сторону дѣйствительнаго «патріотическаго» воспитанія, подхватывающаго національный порывъ для превращенія его въ «активность». Первое безжизненно, второе близоруко — первое не видитъ реальной трагедіи Россіи, зовущей ежеминутно и ежечасно къ себѣ, второе забываетъ, что молодежь должна свою жертвенность сохранить на всю жизнь. Геройски умереть легче, чѣмъ пронести черезъ всю жизнь жертвенное служеніе родинѣ. Это жертвенное служеніе родинѣ нужно не только для ея внѣшняго освобожденія, но и для творческой работы. Но это значитъ, что жертвенное служеніе должно титаться не одной скорбью о родинѣ (этого хватить до періода свободы), но и чѣмъ то инымъ, что придастъ жертвенности устойчивый внутренний смыслъ. А это значитъ, что національное воспитаніе должно быть свободно и отъ отвлеченности и отъ близорукаго активизма, сохраняя, однако, отъ первой формы ея устремленность впередъ, а отъ второй — ея срастаніе съ реальной жизнью родины. Внутренне это подѣ силу лишь тому типу національнаго воспитанія, которое не внѣшне, а внутренне свяжетъ себя съ религиознымъ міропониманіемъ, которое будетъ лишь исходить изъ національнаго эрбса, но не останавливаться на немъ, будетъ искать его освященія, его приобщенія къ міру высшихъ цѣнностей. Лишь религиозно настроенное направленіе внутренне владѣетъ всѣмъ тѣмъ богатствомъ, которымъ жива современная юная душа.

Я не говорю ничего о практическихъ проблемахъ національнаго воспитанія — такъ какъ мнѣ хотѣлось высказать свои мысли лишь по общимъ его вопросамъ. Мнѣ горько думать, что священная идея родины не раскрывается часто въ сознаніи тѣхъ, кто руководитъ молодежью, именно какъ священ-

ная идея, т. е. изнутри связанная съ сферой религіи и лишь въ ней находящая послѣднее свое выраженіе и раскрытіе. Молодежь любить Россію, но это ея богатство должно быть утилизировано не для временной цѣли, а для постояннаго и дѣйствительнаго, жертвен-

наго служенія родинѣ. Религіозное пониманіе національнаго воспитанія одно лишь договаривается до конца то, что составляетъ основной смыслъ нашей связи съ родиной.

В. В. Зѣньковскій.

О движеніи

«Ибо мы Имъ живемъ и движемся».
Дѣянiе Ап. 17-28.

Формы тѣлеснаго выраженія духовныхъ состояній и настроеній, — жестъ, мимика, танцы, — не только составляютъ необходимую часть искусства, но присущи жизни всѣхъ эпохъ и народовъ.

Древній міръ въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ создалъ цѣлый рядъ экстаическихъ танцевъ, которые при своемъ вырожденіи и ниспаденіи въ сферу чувственнаго, превратились въ вакхическія.

Христіанство, принявъ въ свое лоно «неплодущую языческую церковь» должно было вмѣстѣ съ ней принять и натуральную стихію ритмическаго движенія со всѣмъ его художественнымъ богатствомъ и мимической выразительностью. И принявъ все это древнее богатство пластическихъ формъ, церковь не погребла его въ сокровищницѣ исторіи, а вознесла на высоту иконостаса и ввела въ святию культу.

Отвергнуто было ею лишь то, что являлось выраженіемъ распушенной и грѣховной тѣлесности.

Такъ, вакхическіе танцы, сопутствуемые дикими выкриками, были уподоблены Ап. Павломъ «козлогласованію», а «блудная плясавица» Иродіада названа въ службѣ на Успѣніи Главы Іоанна Крестителя — «ученицей вселукаваго діавола». Но этимъ не отмечается выраженіе радости и веселія. Въ самые свѣтлые дни своего торжества церковь неизмѣнно воспоминаетъ въ 4-й пѣснѣ пасхальнаго канона Богоотца Давида, который предъ ковчегомъ «скакаше играя», призывая и насъ вмѣстѣ съ нимъ къ божественному веселію.

«Къ свѣту идяшу; Христе, веселыми ногами» (псал. 5) «Играюще поемъ... отцевъ Бога» (Пѣснь 7.). «Придите руками воспещемъ» и проч. — вотъ церковныя выраженія религіознаго ликованія. Тѣло не можетъ оставаться безмолвнымъ и неподвижнымъ свидѣтелемъ духовныхъ состояній и призвано выражать, какъ скорбь, такъ и радость духа. Жестъ, движеніе есть естественное выявленіе души, ея повѣствованіе, ея рассказъ о себѣ. Вся внѣшняя сторона богослуженія архитектурно построена изъ элементовъ движенія: входы и выходы, кажденіе, благословеніе дикиремъ и трикиремъ, воздѣваніе рукъ. Безъ этой ритмики богослуженіе было бы мертвымъ и безжизненнымъ.*)

Возьмемъ теперь нашъ иконостасъ съ его «чиномъ», въ которомъ художественное чутье русскаго православнаго человѣка запечатлѣно въ формахъ вѣчной красоты неизмѣнно стремительный полетъ и неустанное движеніе. Нѣтъ неподвижности позъ, и даже въ «предстояніи» — какое то непрестанное возношеніе. Богоматерь и Предтеча, архангелы, апостолы, пророки, патриархи, святые, простирая руки, радостно устремляются съ двухъ сторонъ и группируются вокругъ Христа и вмѣстѣ съ нимъ ликуютъ. Это церковь торжествующая. И здѣсь на землѣ быть можетъ одинъ разъ въ году и намъ дано во всей полнотѣ вкусить отъ этой радости въ Пасхальную ночь, когда вся церковь въ дви-

*) Въ Греціи, въ Грузіи и вообще на востокѣ вѣрующіе и до сихъ поръ молятся воздѣвая руки.

женіи, радуется и ликуеть. Но то, что мы осуществляеть въ день самага большого религіознаго подъема, то должно внести и въ нашу жизнь, чтобы этимъ свѣтомъ озарить всѣ темные закоулки нашихъ будней.

Какъ освятить наше тѣло не символически только, но чтобы дѣйствительно въ своихъ движеніяхъ оно прославляло Бога?

Этотъ вопросъ особенно важенъ въ педагогической работѣ. Дѣтямъ необходимо движеніе. И ихъ природной подвижности, наблюдательности и любви къ подражанію нужно умѣть дать творческой исходъ — внѣшнее выраженіе и внутренней смыслъ. Нельзя заглушать эту большую жажду ритмическихъ движеній. Я подчеркиваю слово «ритмическихъ», такъ какъ никогда я не видѣла даже у самыхъ маленькихъ дѣтей движеній безпорядочныхъ и бессмысленныхъ, — въ маханіи рукъ — какое то безсознательное подражаніе взмаху крыльевъ, въ болтаніи стогами тоже желаніе преодолѣть пространство. Жажда летать въ дѣтяхъ особенно сильна. Качели служатъ этому доказательствомъ.

Чѣмъ удовлетворимъ мы эту потребность въ дѣтяхъ?

Спортъ, хотя и имѣетъ въ себѣ элементы ритмики, не можетъ удовлетворить полнотѣ этихъ запросовъ, потому что онъ слишкомъ связанъ съ опредѣленными цѣлевыми достиженіями, подчиненъ имъ и не даетъ полноты творческой фантазіи.

Модные танцы являются только суррогатомъ т. к. они не освобождаютъ тѣло отъ тягостнаго чувства его косности, а только закрѣпляютъ его въ размѣренныхъ и механизированныхъ качаніяхъ (аналогъ кубизму). Модные танцы выдумали взрослые для самихъ себя, для удовлетворенія своихъ вкусовъ, часто весьма невысокаго качества, и больно бываетъ смотрѣть на дѣтей, добросовѣстно подражающихъ имъ въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Сами дѣти, особенно младшаго возраста, предпочитаютъ характерные народные танцы — моднымъ. Какъ продуктъ народнаго творчества, выражающіе смѣлость, удалъ и ловкость, они ближе дѣтскому пониманію. Я помню, какъ въ одномъ частномъ домѣ дѣти съ нетерпѣніемъ ждали окончанія ненавистнаго имъ урока танцевъ, чтобы бѣжать въ садъ или въ дѣтскую, гдѣ тогда только и начиналась настоящая пластическая импровизація. Больше всего они любили изображать морскія волны, ипру рыбу, полеть чаекъ — опытъ личнаго наблюденія.

Старшими это принималось за неуклюжую игру и баловство, и когда наступалъ слѣдующій злополучный урокъ, дѣтей снова заставляли повторять разъ навсегда скопированныя и заученныя «па». За неимѣніемъ творческой фантазіи нѣкоторыми дѣтьми, часто и навязанные имъ взрослыми модные танцы принимаются съ удовольствіемъ, но наиболее талантливые дѣти съ ними не мирятся.

Руководители молодежи должны были бы идти такимъ дѣтямъ навстрѣчу, и Р. С. Х. Д., стремящееся къ освященію всей человѣческой жизни въ ея цѣлокупности, должно было бы обратить вниманіе на этотъ важный моментъ.

Движеніе это жизнь и вѣяніе Духа Святого (явленіе Его апостоламъ въ день Пятидесятницы, «яко носиму дыханію бурну»), и прославленное Духомъ Святымъ оно само по себѣ свято и освящено и нельзя сводить его на уровень простого чувственнаго наслажденія. Способность къ движенію дана намъ для прославленія Бога, какъ сила, гармонія, красота*).

Прототипомъ идеальныхъ и преображенныхъ движеній являются изображенія ихъ на иконахъ, гдѣ динамика и статика сочетались въ синтезѣ отточенныхъ вѣками формъ вѣчной красоты. И въ церкви мы приближаемся къ нимъ въ преклоненіи главъ, въ поклонахъ и метаніяхъ, въ дугообразномъ склоненіи всего тѣла для пріятія благодати. Но жизнь не отдѣлима отъ церкви, и древніе русскіе храмы ярко объ этомъ свидѣтельствуютъ. Жизнь лѣпится вокругъ храма. Стѣны притворовъ и лѣстницъ, ведущихъ на хоры многихъ нашихъ древнихъ церквей, украшены фресками, изображающими коней и всадниковъ, свирѣльщиковъ и разныя народныя игры. Все это живетъ и движется тутъ же на стѣнахъ храма. Внѣшнія же стѣны его, какъ напримѣръ, храма св. Дмитрія во Владимирѣ или церкви Юрьева Волинскаго, сплошь украшены барельефами изъ животнаго царства — птицами и звѣрями. И среди нихъ сто-

*) Въ древнихъ иконахъ прославленное тѣло свѣтится сквозь одежду. Контуры его совершенно анатомичны благодаря тому, что составлены изъ облегающихъ, а не только драпирующихъ одеждъ. Густая драпировка совершенно скрывающая формы появляется только въ концѣ XVII вѣка. До этого времени ритмическая гибкость линій принадлежитъ иконѣ.

ить человекъ, какъ высочайшее твореніе Божіе на землѣ, какъ синтезъ всѣхъ природныхъ формъ, такъ какъ его движенія одинаково близки и прыжки звѣрей и полетъ птицъ и трѣпетъ травъ и игра волнъ и порывы вѣтра и снѣжные вихри и каменное стояніе скалъ. Но изъ всего этого во власти и волѣ человека выбрать то, что наиболѣе возвышаетъ его духъ и возноситъ его сердце горѣ.

Дѣти особенно близки природѣ потому, что они близки къ Богу, и взрослымъ нужно всячески лелѣять и охранять эту близость, какъ самое святое и прекрасное, что намъ дано въ

дѣтяхъ, не навязывая имъ своихъ изуродованныхъ формъ, а культивируя ихъ собственное творчество.

Было бы желательно, чтобы лица, принимающія эту мысль близко къ сердцу, занялись въ кружкахъ или религиозно-эстетическихъ семинарахъ проблемой движенія. Много могло бы дать въ этой области изученіе исторіи танца и мимического жеста. Въ дѣтской же работѣ слѣдовало бы обратить вниманіе на пластическую и ритмическую импровизацію дѣтей и выразительный пересказъ въ движеніяхъ того или иного смыслового заданія.

В. Зандеръ.

ПРОБЛЕМА ИСКУССТВА ВЪ РЕЛИГИОЗНОМЪ ВОСПИТАНІИ

Современный міръ ушелъ отъ Бога. отъ Христа. Бога перестали видѣть въ современной жизни, перестали ощущать Его. Поэтому искать Бога отдѣльнымъ людямъ стало трудно, когда весь міръ теперь хочетъ жить безъ Бога и какъ то устраивается безъ Бога. И даже, можетъ быть въ даровитѣйшей своей части, люди протестуютъ противъ вѣры, требуютъ язычества — требуютъ пира — здорovia и веселья. Кроме того ничего не надо. «Во Христѣ міръ теряетъ жизнь, красоту и силу» — вотъ, что хочетъ утвердить современность, и ищетъ языческой цѣльности и языческаго здорovia. Не подъ силу и не нужны современному человеку противорѣчія плоти и духа. Онъ ихъ не желаетъ.

Борьба за Христа, за христіанство, за возможность быть въ жизни христіаниномъ, борьба за явленность глубинъ человеческой личности, открытыхъ и утвержденныхъ христіанствомъ, ставитъ сейчасъ громадную задачу: найти новыя пути для своей жизни. Должна быть явлена новая эпоха добра въ мірѣ. Міръ въ этомъ не нуждается и потому идетъ на безконечныя соблазны всевозможнаго

добра. Но христіанство явить свою красоту, свое добро въ жизни сможетъ лишь въ томъ случаѣ, если снова и снова найдетъ Христа и вновь (не по привычкѣ) возлюбитъ Христа. Въ этомъ первая задача всей жизни. Если бы являлся такой общій порывъ, то всѣмъ отдѣльнымъ теченіямъ было бы указанъ путь. И христіанину педагогу надобно бы было только слѣдовать за общими цѣлями. Но пока педагогу надо искать своихъ путей и идти по нимъ въ несоответствующей христіанству атмосферѣ; ему надо строить систему своего воздействия на молодежь. Еще на нашемъ религиозно-педагогическомъ совѣщаніи въ сентябрѣ этого года было поднятъ вопросъ, какъ найти возможность явить личность человека въ современности, въ свойственной ей глубинѣ, а не въ кажущейся ея примитивности, указать реальность этой глубины и какъ на одинъ изъ путей было указано тогда на искусство.

Въ религиозно-педагогическомъ семинарѣ, мы все время стоимъ передъ вопросомъ о путяхъ религиозной школы, въ современности. Мнѣ кажется, въ этой новой религиозной школѣ, которую мы

иногда бываемъ склонны назвать новой (свободной) школой, искусство должно будетъ играть большую, можетъ быть самую значительную роль. Нѣсколькими мыслями объ этомъ хочется мнѣ раскрыть это свое утверждение.

Прежде всего — судя по всему характеру современности и, думая о русской жизни, въ особенности съ ея теперешней измученностью, связанностью, думается, что ближайшая эпоха будетъ отмѣчена не аскетической трезвенностью, а широкимъ утверждениемъ жизни, увлеченностью жизнью.

И путь религиозной школы долженъ тоже будетъ быть проникнуть этимъ утверждениемъ жизни и творчества. Въ этомъ отношеніи искусство есть источникъ очень богатый. Второе, что придаетъ искусству совершенно исключительное значеніе въ религиозномъ воспитаніи — это присущая ему свобода и динамичность. Христианскаго воспитанія безъ свободы не можетъ быть. Воспитаніе къ свободѣ и въ свободѣ — это одинъ изъ лозунговъ религиозной школы. Только двумъ областямъ жизни дана возможность осуществлять свободу — религіи, духовному творчеству и художественному творчеству. Обѣ эти области вѣдъ «закона» и только имъ однимъ дано возмoжность и право подыматься надъ добромъ и зломъ... Искусству свойственно утверждать и добрую и злую красоту: «Красота страшная вещь» — учить Достоевскій. — «въ ней берега сходятся, въ ней диаволь борьбу съ Богомъ ведетъ и поле борьбы сердце человѣка».

Для религиознаго воспитанія цѣнно и это приближеніе къ силѣ красоты и къ опасности свободы (свобода вѣдъ вездѣ опасна и трудна и труднѣе всего въ религіи), цѣнна эта обнаженность безднѣ, цѣнно касаніе тайны... Несмотря на то,

что преображеннаго искусства нѣтъ еще совсѣмъ, но оно все съ области творческихъ способностей, которыми человекъ владѣетъ — оно все же обнажаетъ тайны духа человеческого. Благодаря тому, что каждый художникъ, творящій свое произведеніе — приближается къ хаосу бытія, каждый художникъ — мистиченъ, имѣетъ ли онъ это сознание или нѣтъ. Приближеніе къ міру искусства (со стороны наблюдателя, есть тоже приближеніе къ міру мистики, м. б. и бессознательное. Очень большое значеніе въ духовной жизни приобретаетъ правильное развитіе вкуса — черезъ приближеніе къ искусству, благодаря чему происходитъ выборъ, отбрасываніе неудовлетворительнаго. Черезъ искусство можно внушить чувство іерархій цѣнностей. Но одновременно съ этимъ надо помнить и о томъ, что въ искусствѣ для религиознаго воспитанія лежитъ множество внутреннихъ трудностей и опасностей. Въ искусствѣ для христианина все можетъ стать двусмысленно, обернуться обратной стороной, — и свобода (страшная свобода искусства) и раскрытіе личности и т. д. Мы знаемъ, что святые стоятъ далеко отъ нашего художественнаго творчества и не признаетъ его «Вся земная музыка ничто передъ музыкой ангеловъ» — сказалъ одинъ талантливый композиторъ, отказываясь отъ своихъ музыкальныхъ занятій передъ уходомъ въ монастырь.

Дѣйствительно, если мы съ нашей религиозной точки зрѣнія посмотримъ на большую часть извѣстныхъ намъ художественныхъ произведеній, мы конечно увидимъ ихъ безконечную духовную скудость, ихъ явничество. Въ касаніи съ искусствомъ надо всегда помнить, что всегда во всѣ эпохи, это касаніе легче создавало людей — язычниковъ, предан-

ныхъ искусству, чѣмъ религіозно живыхъ людей.

Поэтому, если въ школѣ мы будемъ искать возможность приблизить молодежь къ искусству — то съ одной стороны это будетъ выгодно (гибкость, тонкость, свобода), но съ другой стороны

это можетъ быть чрезвычайно опасно.

Надо еще всегда помнить, что въ дѣлѣ единицы коснутся въ этомъ процессѣ педагогическаго воздѣйствія тайны творчества, большинство же пройдетъ мимо ихъ.

А. Ч.

ХРОНИКА

РЕЛИГИОЗНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СЕМИНАРЬ

За истекшее время въ религіозно-педагогическомъ семинарѣ въ Парижѣ были прочтены слѣдующіе доклады:

1. Совмѣстный докладъ В. В. Зѣньковского и О. Л. Липеровскаго: объ интернатѣ, его достоинствахъ и недостаткахъ.

2. С. С. Шидловской объ утончѣннѣ американскаго педагога Ко, и

3. А. Е. Матео о недостаткахъ прежней школы.

На время рождественскихъ каникулъ религіозно-педагогическій семинаръ прекратилъ свои занятія на 3 недѣли. Первый разъ послѣ перерыва семинаръ соберется въ концѣ января и будетъ посвященъ докладу митрополита Евлогія о школахъ, устроенныхъ покойной игуменіей Екатериной въ Лѣвнинскомъ монастырѣ Холмскаго епархіи.

ЯВЛЕНІЯ РСХД ДЛЯ ДѢТЕЙ И МОЛОДЕЖИ ВЪ ПАРИЖѢ.

Во время Рождественскихъ праздниковъ въ помѣщеніи РСХД въ Парижѣ, состоялась цѣльнѣйшая работа, устроенныхъ всѣми отдѣлами движенія для различныхъ группъ дѣтей.

ЮНОШЕСКІЙ КЛУБЪ РСХД ВЪ ПАРИЖѢ

Уже третій годъ существуетъ въ Парижѣ Юношескій клубъ. За это время число его членовъ возросло до 130 человекъ, а число посѣтителей до 250. Непрерывный притокъ молодежи въ клубъ указываетъ на то, что клубъ дѣйствительно отвѣчаетъ нуждамъ современной молодежи въ Парижѣ. Надо отмѣтить, что въ этомъ году — особенно значителенъ этотъ притокъ, Парижъ вѣчно еще хранитъ въ себѣ скрытые кадры русской молодежи, которая вдала отъ русскаго вліянія

тонетъ въ Парижской пустынѣ (въ этомъ году къ намъ въ клубъ пришло нѣсколько человекъ въ возрастѣ отъ 17-18 лѣтъ, совсѣмъ не говорящихъ по русски, получившихъ французское воспитаніе, совсѣмъ не знающихъ русской литературы). Клубъ пріятенъ и легокъ для молодежи. Непринужденность, свобода, веселость, которая царитъ въ клубѣ, интересная программа легко привлекаютъ молодежь: но клубъ не достигъ еще своей цѣли, если бы его работы была ограничена только такимъ веселымъ еженедѣльнымъ собраніемъ (хотя, надо отмѣтить, что можно очень многого добиться программой клуба). Самое нужное и цѣнное въ клубѣ — это умѣть использовать собранную молодежь, занять ее въ различнаго рода кружкахъ, научить, развить. Почти недостижимымъ идеаломъ въ работѣ съ современной молодежью является сообщеніе ей систематическихъ знаній по русскимъ предметамъ. Поэтому клубъ долженъ имѣть вокругъ себя цѣлую систему разныхъ приклубныхъ занятій: по литературѣ, пѣнію, выразительному чтенію, рисованію, танцамъ.

Совершенно исключительную роль играетъ необходимость созданія въ клубѣ дисциплины и самостоятельности, иначе клубъ можетъ приводить къ избалованности.

Надо признать, что въ обстановкѣ современной жизни молодежи клубная форма работы является одной изъ самыхъ успешныхъ, для дѣтей и молодежи всѣхъ возрастовъ.

Надо было бы пожелать, чтобы во всѣхъ хотя сколько нибудь значительныхъ мѣстахъ русскаго скопленія — дѣтскія комнаты, собранія, юношескія клубы были непременно организованы.

За совѣтами и указаніями можно было бы обращаться въ Религіозно-педагогическій кабинетъ.

ПРАВОСЛАВНЫЙ РЕЛИГИОЗНО - ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИКЪ

„В Ъ С Т Н И К Ъ“

Органъ Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(четвертый годъ изданія).

Особое вниманіе обращено на освѣщеніе церковной жизни въ сов. Россіи, на хроникѣ антирелигіозной пропаганды. Имѣется отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи.

Восемь разъ въ году «Вѣстникъ» выходитъ съ приложеніемъ Бюллетеней Религіозно-Педагогическаго Кабинета, содержащихъ обзоръ основныхъ моментовъ теории и практики современной религіозно-педагогической работы.

Можно выписывать бесплатно пробные номера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

	на годъ	отд. №		на годъ	отд. №
Во Франціи съ колон.	30 фр.	3.— фр.	Въ Румыніи	220 лей	20 лей.
Въ Англіи	6 шилл	6 пен.		(при условіи посланки заказной бан-	
• Бельгіи	9 белг.	0.80 б.		деролью 300 лей въ годъ).	
• Болгаріи	140 левъ	15 л.	Въ Финляндіи	55 мар.	5 мар.
• Германіи	5.50 мар.	0,50 м.	• Чехословакіи	45 кр.	4 кроны
• Италіи	26 лиръ,	2,50 л.	• Эстоніи	5.50 кр.	0,50 кр.
• Латвіи	6.50 латъ	0.60 л.	• Югославіи	65 дин.	6 динар.
• Литвъ	13 литъ	1.20 л.	Остальн. страны	1.50 ам.д.	0.15 дол.
• Польшѣ	12 злот.	1.10 з.			

Рабочіе и студенты во всѣхъ странахъ, исключая Америку, Англію, Швейцарію, Италію, англійскія колоніи и Дальній Востокъ, при условіи подписки на годъ, могутъ пользоваться скидкой (годовая плата 1 американ. долларъ).

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ за-
казномъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также полученіе подписной платы производится:

АМЕРИКА: 1) Arch. W. Sokovich, 1520, Green str. SAN FRANCISCO, California.

2) Rev. V. Amatoff 16, Hight str. CLAR-MONT (N. H.).

3) N. Stember, 38 West, 120-th. str. NEW-YORK.

Ю. АМЕРИКА. A. Vechniakoff. Traverça Sto. Oby 2-b. Casa Russa. SAO PAULO. Brasil.

АНГЛІЯ: V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРИЯ: Л. Тарановскій, Свєгослава Тертер, 7. СОФИЯ.

БЕЛЬГІЯ: Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hôpital Brugmann. BRUXELLES.

ГЕРМАНИЯ: 1) V. Slepian Wielandstr. 49, BERLIN. Charlottenburg.

2) «Logos» 87, Markgrafenstrasse BERLIN S. W. 63.

3) W. Messmacher. Uhlandstr. 24, DRESDEN.

4) W. Schwesoff Bahnhofstr. 6. II. FREIBERG i. Sa

КИТАИ: 1) В. Коченова, Св. Алексѣевская церковь, Зелный Базаръ, Большой проспектъ HARBIN.

2) The Magazine Shop. 601 Av. Joffre SHANGHAI.

ЛАТВІЯ: 1) F. Tsvirko. Turgeneva iela 21a, 8. RIGA.

2) L. Gaillit. Ludzas iela 3. Daugavpils.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska. Ul. Dlugosza, 29 parter lewy. LWOW.

2) «Dobro». ul. Krakowskie Przedmiescie 53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДІЯ: Mr Reiche, KELLOMAKI.

ФРАНЦІЯ: 1) Въ редакціи Вѣстника. Anna Smirnoff, 10, Bd Montparnasse, PARIS. XV.

2) Mr. D. Schkott, 91, Bld. Gambetta, NICE A. M.

3) V. Svirstchevsky, 33, rue Barême, LYON.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Malloj, 271 Bělohorská, Brěnov. PRAHA.

2) V. Voskobonikov. Kvajinsky urad odd. 39. BELNAYOVA 1-3. Bratislava.

3) J. Stepanov. 24, Smetanova. BRNO.

ЭСТОНІЯ: 1) S. Polochensky, Balti Puu. villa vabrik 5-4. TALLINNA.

2) L. Schumakoff, Tähtvere tän. 9, k. 2. TARTU.

3) V. Bucholtz. Helsingi 4, Narva.

4) A. Sekst. Pihkva 43. Petseri.